

ФИРДОУСИ

ОТРЫВКИ ИЗ «ШАХНАМЕ»

«ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОСВЕ-
ДЕНИЕ» — 1983

ФИРЛЮСИ
ОТРЫВКИ ИЗ «ШАХНАМЕ»

С (Тадж)¹ + И (Иран)
Ф 62

Серия «Таджикско-персидская поэзия».

Фирдоуси, Абулькасим.

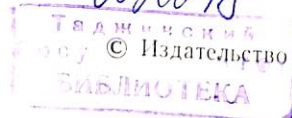
Ф 62 Отрывки из «Шахнаме». — Душанбе: Ирфон, 1983.
144 с.

Абулькасим Фирдоуси — один из величайших поэтов Востока. Его творение «Шахнаме» по праву может считаться первой среди персоязычных книг по исключительной ее популярности и объему. Поэту ее читают и любят в Советском Таджикистане, других республиках Средней Азии, Иране, Афганистане, Индии. О чем бы ни писал Фирдоуси, его повествования созвучны думам и чаяниям народа, отражают его отношение к событиям. В данную книгу вошли отдельные главы из «Шахнаме», афоризмы, наставления, советы, крылатые слова, ставшие поговорками, а также отдельные цитаты.

С (Тадж)¹ + И (Иран)

Ф 70403 — № 356180
М-501 (13) — 83

—83 632048

«Ирфон», 1983.

РУСТАМ И СУХРАБ

* * *

Теперь я о Сухрабе и Рустаме
Вам расскажу правдивыми устами.

Когда палящий вихрь пески взметет
И плод незрелый на землю собьет,—

Он прав или не прав в своем деянье?
Зло иль добро — его именованье?

Ты правый суд зовешь, но где же он?
Что — беззаконье, если смерть — закон?

Что разум твой о тайне смерти знает?..
Познания путь завеса преграждает.

Стремится мысль к врагам заветным тем...
Но дверь не открывалась ни пред кем.

Не ведает живущий, что найдет он
Там, где покой навеки обретет он.

Но здесь — дыханье смертного конца
Не отличает старца от юнца.

Здесь место отправления в путь далекий
Влачных смертью на аркане рока.

И это есть закон. Твой вопль и крик
К чему,

когда закон тебя настиг?

Будь юношей, будь старцем седовласым —
Со всеми равен ты пред смертным часом.

Но если в сердце правды свет горит,
Тебя в молчанье мудрость озарит.

И если здесь верна твоя дорога,
Нет тайны для тебя в деяньях бога.

Счастлив, кто людям доброе несет,
Чье имя славой доброй процветет!

Здесь расскажу я про отца и сына,
Как в битву два вступили исполина,

Рассказ о них, омытый влагой глаз,
Печалью сердце наполняет в нас.

ПАПАДЕНИЕ СУХРАБА НА БЕЛЫЙ ЗАМОК

На рубеже Ирана возведен
Был замок. «Белым замком» звался он.

Хаджир — начальник стражи, славный воин —
Был храбр, силен, водить войска достоин.

И от Ирана был поставлен там
Правителем премудрый Гуждакам.

Имел он дочь. И не было ей равной, —
Всем хороша, но зла и своенравна.

Когда Сухраб пришел, нарушив мир,
Его увидел со стены Хаджир.

На быстром скакуне — любимце брани —
С конем Хаджир явился на майдане*.

Блестя в снаряжение боевом,
К войскам Турана* он возвал, как гром:

«У вас найдется ль воин искушенный,
В единоборстве конном закаленный?»

Эй, кто у вас могуч, неустрашим?
Пусть выйдет, я хочу сразиться с ним!»

Одни, другой и третий сбиты были,
Перед Хаджиром устоять не в силе.

Когда Хаджира увидел в бою,
Сухраб решил изведать мощь свою.

Он как стрела помчался грозная,
Над полем вихри пыли подымая.

И весело Хаджиру крикнул он:
«Один ты вышел, гневом распаен?»

На что надеешься? Куда стремишься?
Или драконьей пасти не боишься?

И кто ты, предстоящий мне в бою,
Скажи, чтоб смерть оплакивать твою?»

И отвечал ему Хаджир: «Довольно!
Сам здесь падешь ты жертвою невольной.

Себе я равных в битве не встречал,
Лез от меня уходит, как шакал.

Знай — я Хаджир. О юноша незрелый,
Я отсеку голову твою от тела.

И Кей-Кавусу в дар ее пошло.
Я труп твой под копыта повалю».

Сухраб в ответ Хаджиру рассмеялся
И за коню свое стальное взялся.

И сшиблись,
и в поднявшейся пыли
Едва друг друга различить могли.

Как молния, летящая по тучам,
Летел Сухраб на скакуне могучем.

Хаджир ударил, но огромный щит
Сухраба все же не был им пробит.

Тут на врага Сухраб занес десницу.
Копьем его ударил в поясицу.

Упал Хаджир, как будто бы с седла
Его внезапно буря сорвала;

Упал, как глыба горного обвала,
Так, что душа его затрепетала.

Сошел Сухраб, коленом придавил
Хаджиру грудь, кияжал свой обнажил.

Хаджир, увидя — льву попал он в когти,
Молил пощады, опершись на локти.

Могучий пощадил его Сухраб,
И в плен был взят Хаджир им, словно раб.

Связал он побежденного арканом,
Велел ему предстать перед Хуманом.*

Хуман все видел. Был он потрясен
Тем, что Хаджир так быстро побежден.

Со стен за поединком наблюдали.
И в крепости вопили и рыдали,

Что пал с коня и в плен попал Хаджир —
Вонтель, славой наполнявший мир.

ПОЕДИНОК СУХРАБА С ГУРДАФАРИД

Дочь Гуждахмова Гурдафарид,
Увидев, что Хаджир бесславно сбит,

От горя в неступленье застонала
И яростью и гневом запылала.

Хоть юной девушкой была она,
Как витязя, влекла ее война.

Грозна в бою, чужда душою мира,
Увидя поражение Хаджира,

Она такой вдруг ощутила стыд,
Что потемнели лепестки ланит.

Вонительница медлить не хотела,
Кольчугу, налокотники надела

И, косы уложивши над челом,
Их под булатный спрятала шлем.

Как грозный всадник, дежа красовалась
На скакуне: как вихрь, она помчалась,

И пыль над стеною облаком взвила,
И так к войскам Турана воззвала:

«Кто в верховом бою у вас искусен?
Кто вождь у вас? Смелей выходит пусть он!

Пусть дозедется испытать киту
Монх ударов мощь и быстроту!»

Смотри: никто из воинов Турана
Не вышел с ней на бой в простор майдана.

Ее Сухраб увидел издали,
Как в облаке, летящую в пыли.

Сказал он: «Вот еще онагр* несется!..
В петлю мою сейчас он попадется!»

Кольчугу он и чинский шлем* надел,
Навстречу ей, как ветер, полетел.

Гурдафарид свой лук тугой схватила
И молнией стрелу в него пустила.

Когда стрелу пускала в высоту,
Она орла сбивала на лету.

Хоть стрелы вихрем с тетивы летели,
Они задеть Сухраба не сумели,

Их отражал Сухраба щит стальной.
Позорным он почел подобный бой,

Сказал он: «Хватит! Крозь должна пролиться!»
И на врага помчался, словно птица.

Увидев — жаждой битвы он горит,—
Оставила свой лук Гурдафарид.

И поскакала, по полю петляя,
Копьем своим Сухрабу угрожая.

Великим гневом возгорел Сухраб.
Бой сразу кончить захотел Сухраб.

Он мчался, издавая львиный рык.
И, как Азаргушасп*, ее настиг,

Копьем ударил в стягивавший туго
Кушак, разорвалась ее кольчуга,—

И словно бы чоуганом* — не копьем,
Как мяч, ее он вскинул над седлом.

Гурдафарид рукой в седло вцепилась,
Другой рукой за меч своей ухватилась.

И разрубила пополам коня,
И плотно села на седло свое.

И вихрем улетела в туче праха.
Ловка была она, не знала страха.

Сухраб за нею вслед погнался коня;
Он гневом омрачил сиянье дня.

Вот он настиг. И за ее спиною
Привстал и шлем сорвал с нее рукою.

Взметнулись косы, по ветру вьнясь,
От шлема тяжкого освобождаясь.

И понял витязь, полон изумленья,
Что с женщиною вышел он в сраженье.

Сказал: «Подобных девушек Иран
Сегодня шлет на боевой майдан!..

Их витязи, когда коней пускают,
Над стеною пыль до облак поднимают.

Но коль в Иране девы таковы,
То каковы у них мужчины-львы?»

Тут он аркан свой черный вслед метнул ей
И стан петлею туго захлестнул ей,

Сказал ей: «Тунолика, смирись
И не пытайся от меня спастись!

Хоть много дичи мне ловить случалось,
Такая лань впервые мне попалась!»

Увидев, что беда ей предстает,
Открыла вдруг лицо Гурдафарид.

И молвила: «Не надо многих слов,
Ты — лев могучий среди храбрецов!

Подумай: с той и с этой стороны
На бой наш взгляды войск обращены...

Теперь с лицом открытым я предстала,
И разнотолков, знай, пойдет немало,

Что, мол Сухраб до неба напылил —
В единоборство с женщиной вступил,

Копьем тяжелым с девушкою бился
Перед мужами — и не устыдился!

Я не хочу, чтобы из-за меня
Шла о Сухрабе славном болтовня.

Мир заключим, чтоб завязать язык их...
Ведь мудрость, знаешь сам, удел великих.

Теперь мой замок и моя войска —
Твоя! Как клятва, речь моя крепка.

И крепость и сокровища Хаджира —
Твоя. Зачем нам битва после мира?»

Сухраб, на лик прекрасный брося взгляд,
В цвету весны увидел райский сад.

Ее красой душа его пленилась,
И в сердце, как в ларце, печаль укрылась.

Ответил он: «Тебя я отпущу,
Но помни: я обмана не прощу.

Не уповай на стены крепостные,
Они не выше неба, не стальные.

С землей сровняю эти стены я,
И нет против меня у вас копья».

Гурдафарид вперед — крылатым лётom —
Колы послала к крепостным воротам.

Сухраб за нею рысью ехал велед,
Он верил, что ему преграды нет.

Тут крепости ворота закрипели
И пропустить Гурдафарид успели.

И вновь захлопнулись и заперлись,
У осажденных слез ручьи лились.

В подавленных сердцах кипело горе,
Тонуло все в постигшем их позоре.

К Гурдафарид, со всею свитой, сам
Седобородый вышел Гуждахам,

Сказал: «О с благородным сердцем львица,
О дочь моя! Тобой Иран гордится!»

Страдали мы, неравный видя бой,
Но не бесславен был поступок твой.

Ты выхода искала в честной битве,
Но враг силен. Внял бог моей молитве,—

В обмане ты спасенье обрела
И невредима от врага ушла».

Гурдафарид в ответ лишь засмеялась
И на стене высокой показалась.

Увидела Сухраба за стеной
И молвила: «Что ждешь ты, витязь мой?»

Иль ожидать напрасно — твой обычай?
Увы, навек расстался ты с добычей!»

Сказал Сухраб: «О пери, пред тобой
Клянусь луной, и солнцем, и судьбой,—

Разрушу крепость! Выхода иного
Не вижу я. Тебя возьму я снова.

Как ты раскаешься в своих словах,
Когда в моих окажешься руках!

Как сожалеть ты будешь, что сначала
Ты не исполнила, что обещала!»

Гурдафарид ответила, смеясь:
«Я сожалею, о мой юный князь!

Неужто, витязь мой, не знал ты ране,
Что тюрки брать не могут жен в Иране?»

Что ж, значит, я тебе не суждена!
Но не печалься, то судьбы вина...

Но сам ты не из тюркского народа,
В тебе видна иранская порода.

С такою мощью, с красотой твоей
Ты был бы выше всех богатырей.

Но ведь когда узнает шах Ирана,
Что юный лев повел войска Турана —

Подымется Рустам из Систана,
Не устоишь ты против Тахмтана!*

Беда тебе! Из войска твоего
В живых он не оставит никого.

Мне жаль, что этот стан и эти плечи
Поникнут и падут во прахе сечи,

Повиновался б лучше ты судьбе,
Вернулся бы скорей в Туран к себе.

А ты на мощь свою лишь уповаешь,
Как глупый бык, бока свои терзаешь!»

Сухраб, винмая, от стыда сгорал.
Что замок трудно взять, он это знал.

Невдалеке от крепости стояло
Село и над собой беды не знало.

Сухраб пошел и разорил село.
По локоть руки окунул во зло.

Сказал потом: «Ночь наступает, поздно...
Пора нам отдохнуть от сечи грозной.

А завтра здесь неслыханная быль
Свершится. Мы развеем стены в пыль».

И, повернув коня, погнал безмолвно,
Вернулся в стан, печалью смутной полный.

СУХРАБ РАССПРАШИВАЕТ ХАДЖИРА О ПРЕДВОДИТЕЛЯХ ИРАНСКОГО ВОЙСКА

Как только солнце щит свой золотой
Приподняло над горною грядой,

Сухраб — в величье мощи, в блеске власти —
Сел на коня — любимца темной масти.

Индийским препоясанный мечом,
Блестя царским шлемом над челом,

С арканом на луке седла крутого,
Он выехал — нахмуренный сурово —

На некий холм,
чтобы издалека
Все осмотреть иранские войска.

Он привести велел к себе Хаджира,
Сказал ему: «Среди язлений мира

Стреле не подобает кризизна,
Кривая,— в цель не попадет она.

Во всем всегда правдивым будь со мною.
И милостивым буду я с тобою.

Что б ни спросил я — правду говори,
Не изворачивайся,
не хитри.

.

Хаджир ему сказал: «На все правдиво
Отвечу, что ни спросит царь счастливый,

Все расскажу я, что известно мне;
Душою чужд я лжи и кривизне.

Я жил и говорил всегда правдиво,
Поверь, что нет во мне и мысли лживой.

Душа достойных правдою сильна,
Мне ненавистны ложь и кривизна».

Сказал Сухраб: «Средь вражеского стана
Ты мне укажешь витязей Ирана,—

Богатырей могучих и вельмож —
Гударза, Туса, Гива назовешь.

Покажешь мне Бахрама и Рустама,
Что ни спрошу,— на все ответишь прямо,

Но знай — за ложь сурова будет месть.
Утратишь все — и голову и честь!

Чей там шатер стоит, парчой блистая,
Полами холм высокий осеняя?

Сто боевых слонов пред ним. Смотри —
Синеет бирюзовый трон внутри.

Над ним сверкает желтое, как пламя,
Сerpом луны украшенное знамя.

Чья эта ставка, что простерлась вширь
Так царственно? Кто этот богатырь?»

Хаджир ответил: «Это шах великий,
Богатырей, слонов и войск владыка».

Спросил Сухраб: «Там, справа, на крыльце,
Толнится много войск в пыльной мгле,

Слоны ревут... Чей это там просторный
Средь гущи войск шатер раскинут черный?

Палаток белых ряд вокруг него,
Слоны и львы стоят вокруг него.

Над ним — слоном украшенное знамя,
Гонцы блестят расшитыми плащами.

На их конях попоны в серебре,
Кто отдыхает в черном том шатре?»

Хаджир ответил: «Со слоном на стяге,
Тус — предводитель войска, муж отваги.

Он родич падишаха, духом горд,
В бою, как слон, неустрашим и тверд».

.

Сухраб спросил: «А чей там тешит взор
Из шелка изумрудного шатер?

Как трон,
у входа золотое ложе,
Пред ним стоят иранские вельможи.

Звезда Кавы* над тем шатром горит.
На троне в блеске царственном сидит

Могучий витязь.
Средь мужей Ирана
Ни у кого нет плеч таких и стана.

Сидит — а выше на голову он
Стоящих, чьей толпой он окружен.

Конь перед ним едва ему по плечи,
Где ж конь такому витязю для сечи?

Я думаю, он на стезе войны
Неудержимей яростной волны.

Вокруг его шатра стоят слоны
Индийские, на бой снаряжены.

Я думаю, среди всего Ирана
Нет для него коня и нет аркана.

На знамени его — дракон и льва
Из золота литая голова.

Его я слышу голос, словно гром,
Кто этот воин? Расскажи о нем!»

И вся душа Сухрабоза хотела
Услышать: «То Рустам — железотелый!»

Но иначе судил коварный мир,—
Трусливо правду утаил Хаджир.

Он думал: «Если все скажу я прямо,
Лев этот юный истребит Рустама.

Я скрою правду. Может быть, тогда
Иран минует страшная беда...»

Сказал Хаджир: «Приехал к нам из Чина
Посол, предстал к престолу властелина».

«А как зовут его?» — Сухраб спросил.
Хаджир в ответ: «Я имя позабыл».

Сухраб, чело нахмуривши сурово:
«Как звать его?» — спросил Хаджира снова.

Хаджир ответил: «О владыка львов,
О покровитель тигров и слонов!

Когда предстал он падишаха взору,
Я в Белый замок уезжал в ту пору.

Посла я видел,
имя же его
До слуха не достигло моего».

Сухрабу сердце сжала скорбь тисками,
Хотел он слово слышать о Рустаме.

И хоть отец в сиянии венца
Сидел пред ним — он не узнал отца.

Он жаждал слов! «Рустам перед тобою!»
Иное было суждено судьбою.

.

«Ты не правдив со мной,— Сухраб сказал,—
Ведь ты Рустама мне не указал.

С войсками все иранские владыки
Здесь на виду, а где ж Рустам великий?

Как может в тайне оставаться тот,
Кого Иран защитником зовет?

Ведь если шах Ирана скажет слово
И тучей встанет воинство хогрова,*

Не даст он знака в бой вступить войскам,
Пока не встанет впереди Рустам!»

И вновь открыл Хаджир уста ответа:
«Рустам могучий здесь, конечно, где-то.

Или в Забуле, у себя в горах,
Теперь ведь время пировать в садах».

Сказал Сухраб: «А поведет их кто же?
Нет, это на Рустама не похоже.

Подумай сам: все вышли воевать,
А вождь Рустам уехал пировать?»

.

Хаджир ему ответил: «Если сам
Захочет боя исполни Рустам,

Противоборца ищет он такого,
Что ломит палицей хребет слоновый.

Ты видел бы, каков он — Тахамтан,—
Его драконью шею, плечи, стан.

Ты видел бы,
как демоны и дивы
Бегут, когда идет Рустам счастливый.

Он палицей скалу рассыплет в прах,
Он на войска одни наводит страх.

Кто ни искал с Рустамом поединка,
Растоптан был могучим, как былинка.

А пыль из-под копыт его коня,
Как туча, заслоняет солнце дня.

Бедь он владеет силой ста могучих,
Велик он, как утес,
чье темя в тучах.

Когда душой он в битве разъярен,
Бегут пред ним и тигр, и лев, и слон.

Гора не устоит пред ним. Пустыня —
У ног его покорная рабыня.

От Рума по Китайский океан
Прославлен в мире воин Тахамтан.

О юный шах, я искренен с тобой,—
С Рустамом грозным ты не рвись на бой».

.

Смолк, отвернулся от него угрюмо,
И загрустил Сухраб, объятый думой.

Хаджир подумал: «Если я скажу
Всю правду и Рустама покажу.

Туранцу юному с могучей выей,
Тогда он соберет войска большие

И в бой погонит своего коня —
Он навсегда затмит нам солнце дня.

Могучий телом, яростный, упрямый —
Боюсь, что уничтожит он Рустама».

.

ВТОРОЙ БОЙ РУСТАМА С СУХРАБОМ

Лишь, грифу ночи разорвавши горло,
Над миром солнце крылья распростерло,

Встал с ложа сна могучий Тахматан,
Надел кольчугу, тигровый кафтан.

И, шишаком железным осененный,
Сел на коня, как на спину дракона.

Сухраб сидел беспечно за столом
С красавицами, с музыкой, с вином.

Сказал Хуману: «Этот лев Ирана,
Что выйдет в бой со мною утром рано,

Он равен ростом мне. Как я — силен,
В бою, как я, не знает страха он.

Так станом, шеей схожи меж собой мы,
Как будто в форме вылиты одной мы.

Внушил приязнь он сердцу моему.
И я вражды не чувствую к нему.

Все признаки, что мать мне называла,
Я вижу в нем. Душа моя вспылала,—

Понетине — он, как Рустам, на вид.
Уж не отец ли мой мне предостойт?

Томлюсь я тяжелой мукой и не знаю —
Не на отца ли руку подымаю?

Как буду жить я? Как перед творцом
Предстану с черным от греха лицом?

Нет, и под страхом смертного конца
Не подыму я руки на отца!

Нль светлый дух навек во мне затмится,
И мир весь от Сухраба отвратится.

Злодеем буду в мире наречен,
На вечные мученья обречен.

Душа в бою становится суровой,
Но зло, а не добро в пролитье крови».

И отвечал Хуман: «За жизнь свою
Рустама прежде я встречал в бою.

Ты слышал ли, как пахлаван Ирана
Твердыню сокрушил Мазандерана?*

А этот старый муж? Хоть с Рахшем схож*
Могучий конь его — не Рахш он все ж».

Весь мир уснул. Свалила всех усталость,
Лишь стража на стенах перекликалась.

Сухраб — завоеватель той порою
Встал с трона, удалился на покой.

Когда же солнце встало над землей,
Он поднялся от сна на новый бой.

Кольчугою стальной облек он плечи,
Надел доспехи, взял оружие сечи.

Витал он мыслью в поле боевом,
И сердце радостью кипело в нем.

И прискакал он в степь, щитом сверкая,
Своей тяжелой палицей играя.

Рустам был там. Как ночь, он мрачен был.
Сухраб его с улыбкою спросил:

«Как отдыхал ты ночью, лев могучий?
Что ты угрюм, как сумрачная туча?

Скажи мне правду, витязь, каково
Теперь желанье сердца твоего?

Отбросим прочь мечи свои и стрелы
И спешимся, мой ратоборец смелый.

Здесь за беседой посидим вдвоем,
С лица и сердца смоем хмуришь вином.

Потом пойдем к иранскому владыке
И перед ним дадим обет великий.

Кто б на тебя ни вышел — мы на бой
Пойдем и вместе победим с тобой.

К тебе мое невольно сердце склонно,
Кто ты такой, я думаю смущенно, —

Из рода славных ты богатырей?
О родословной расскажи своей.

Кто ты? — вопрос я многим задавал,
Но здесь тебя никто мне не назвал.

Но если вышел ты со мной на бой,
Ты имя мне теперь свое открой.

Не ты ли сын богатыря Дастана,
Рустам великий из Забулистана?»

«О славы ищущий! — сказал Рустам. —
Такие речи не пристали нам.

Вчера мы разошлись и дали слово,
Что рано утром бой начнем мы снова.

Зачем напрасно время нам тянуть?
Не тишишь меня ты лестью обмануть.

Ты молод — я зато седоголовый.
Я опоясался на бой суровый.

Так выходи. И будет пусть конец
Такой, какой предначертал творец.

.

И вот бойцы, уже не тратя слов,
Сошли с железнотелых скакунов.

И пение — на бой в открытом поле —
Сошлись они,

полны душевной боли.

Вот слушай: «Кто благодаря судьбе
Врага повалит на землю в борьбе,

То есть закон такой для мужа чести,—
Не должен, и во имя правой мести,

Его булатом смертным он разить,
Хоть и сумел на землю повалить.

И только за исход второго боя
Венчается он славою героя.

И если дважды одолеет он,
То может убивать.
Таков закон».

Чтобы спастись от смерти неминучей,
Прибег к коварству Тахматан могучий.

Хотел он из драконовых лап уйти
И голозу от гибели спасти.

Сухраб свирепый, с богатырским телом
Был еще отрок с разумом незрелым.

Доверчиво он внял его словам —
Он думал, что не может лгать Рустам.

Хоть о таком обычае старинном
Он не слышал, поверил он сединам.

И, по величью сердца своего,
Рустама поднял, отпустил его.

.

Как львы, схватились яростно. И вновь
По их телам струились пот и кровь.

И вот Сухраб, как слон от крови пьяный,
Всей мощью рук взялся за Тахматана.

Он за кушак схватил его, рванул.
Сказал бы ты, что гору он свернул.

Как лютый зверь, он на Рустама прынул,
И вскинул вверх его, и наземь грянул.

Свалил он льва среди богатырей
И сел на грудь всей тяжестью своей.

К земле Рустама грузно придавивши,
Как лев, самца-онагра закогтивший.

Поверг спиной Рустама в прах земли,
И было все лицо его в пыли...

И вырвал из пожелтевших блестящих,
И уж занес его рукой разящей.

Рустам сказал: «Послушай! Тайна есть,—
Ее открыть велят мне долг и честь.

О покоритель львов, о тигр Турана,
Искусен ты в метании аркана,

Искусством ты и силой наделен.
Но древний есть у нас один закон.

И от него нельзя нам отступиться,
Иначе светоч мира омрачится.

Вот слушай: «Кто благодаря судьбе
Врага повалит на землю в борьбе,

То есть закон такой для мужа чести,—
Не должен, и во имя правой мести,

Его булатом смертным он разить,
Хоть и сумел на землю повалить.

И только за исход второго боя
Венчается он славою героя.

И если дважды одолеет он,
То может убивать.
Таков закон».

Чтобы спастись от смерти неминуемой,
Прибег к коварству Тахматан могучий.

Хотел он из драконьих лап уйти
И голозу от гибели спасти.

Сухраб свирепый, с богатырским телом
Был еще отрок с разумом незрелым.

Доверчиво он внял его словам —
Он думал, что не может лгать Рустам.

Хоть о таком обычае старинном
Он не слыхал, поверил он сединам.

И, по величью сердца своего,
Рустама поднял, отпустил его.

.

СМЕРТЬ СУХРАБА ОТ РУКИ РУСТАМА

Сойти с коней им время наступило,
Беда над головами их парила.

И в рукопашной вновь они сошлись,
За пояса всей силою взялись.

Сказал бы ты,
что волей небосвода
Сухраб был связан, — мощный воевода

Рустам, стыдом за прошлое горя,
За плечи ухватил богатыря,

Согнул хребет ему со страшной силой,
Судьба звезду Сухрабову затмила.

Рустам его на землю повалил,
Но знал, что удержать не хватит сил.

Мгновенно он кинжал свой обнажил
И сыну во левый бок его вонзил.

И, тяжело тот вздохнув, перевернулся,
От зла и от добра он отвернулся.

Сказал: «Я виноват в своей судьбе.
Ключ времени я отдал сам тебе.

А ты — старик согбенный... И не диво,
Что ты убил меня так торопливо.

Еще играют сверетники мон,
А я — на ложе смерти здесь — в крови.

Мать от отца дала мне талисман,
Что ей Рустам оставил, Тахамтан.

Пекал я долго своего отца, —
Умру, не увидав его лица.

Отца мне видеть не дано судьбою.
Любовь к нему я унесу с собою.

О, жаль, что жизнь так рано прожита,
Что не исполнилась моя мечта!

А ты, хоть скройся рыбой в глубь морскую,
Пль темной тенью спрячешься в тьму ночную.

Пль поднимись на небо, как звезда,
Знай, на земле ты проклят навсегда.

Нигде тебе от мести не укрыться,
Весть об убийстве по земле промчится.

Ведь кто-нибудь, узнав, что я убит,
Поедет и Рустаму сообщит.

Что страшное случилось злодеяние,
И ты за все получишь воздаянье!»

Когда Рустам услышал речь его,
Сознание омрачилось у него.

Весь мир номерк. Утративши надежду,
Он бился оземь, рзал свою одежду.

Потом упал — без памяти, без сил.
Очнулся и, вопя, в слезах спросил:

«Скажи, какой ты носишь знак Рустама?
О, пусть покроет вечный мрак Рустама!

Пусть истребится он! Я — тот Рустам,
Пусть плачет надо мной Дастанн Сам».*

Кипела кровь его, ревел, рыдал он,
И волосы свои седые рвал он.

Когда таким Рустама увидал
Сухраб — на миг сознание потерял.

Сказал потом: «Когда ты впрямь отец мой.
Что ж злобно так ускорил ты конец мой?

«Кто ты?» — я речь с тобою заводил,
Но я любви в тебе не пробудил.

Теперь иди кольчугу расстегни мне,
Отца, на тело светлое взгляни мне.

Здесь, у плеча,— печать и талисман,
Что матерью моею был мне дан.

Когда войной пошел я на Иран,
И загремел походный барабан,

Мать вслед за мной к воротам поспешила
И этот талисман твой мне вручила.

«Неси, сказала, втайне! Лишь потом
Открой его, как встретишься с огнем».

Рустам свой знак на сыне увидал
И на себе кольчугу разодрал.

Сказал: «О сын, моею рукой убитый,
О храбрый лев мой, всюду знаменитый!»

Увы! — Рустам, стеная, говорил,
Рвал волосы и кровь, не слезы, лил.

Сказал Сухраб: «Крепись! Пускай ужасна
Моя судьба, что слезы лить напрасно?

Зачем ты убиваешь сам себя,
Что в этом для меня и для тебя?

Перевернулась бытия страница,
И, верно, было так должно случиться!..»

.

РУСТЕМ ПРОСИТ У КЕЙ-КАВУСА ЦЕЛЕБНОЕ СНАДОВЬЕ

Гудерзу-бойцу говорит исполни:
«О праведный муж, украшение дружин!

Ты к шаху скажи и поведай, что мной,
Злосчастливым, повержен был сын мой родной.

Пусть гибель Рустема оплатят мужи!
Еще от меня Кей-Кавусу скажи:

«Когда мою службу хоть сколько-нибудь
Ты помнишь, молю, мне спасителем будь!

Ни мига не медля, в сосуде с вином,
То зелье, что в царственном замке твоём

Хранится, мгновенно целящее боль,
С моим же посланцем прислать сонзволь.

Коль сына звезда мне благая твоя
Вернет — он служить тебе станет, как я.

Как ветер, пространство Гудерз побеждал,
И вскоре посланье царю передаст.

Царь вымолвил: «Чту я Могучего, он
Превыше всех витязей мной вознесен.

Свершившего столько блистательных дел
Я видеть в беде ни за что б не хотел.

Но если ты зелье мое отвезешь
И сына его молодого спасешь,

То, силы великой набравшись, затем
Меня испровергнет, погубит Рустем.

Того, от кого нападения жду,
Не лучше ль заранее свергнуть в беду?

Давно ли кричал он: — Кто этот Кавус?
Не он повелитель законный, а Тус! —

Так полон тот витязь величья и сил,
Что вряд ли весь мир бы такого вместил.

Столь мощный захочет ли трону служить,
Величием моим покоренный, служить?

Ты помнишь, как здесь, понося и браня,
При витязях всех он бесчестил меня?

Коль сына в живых сохранит он, лишь прах —
Не царство в моих сохранится руках.

Сухрабовы речи припомни к тому ж,
О доблестный, жизнью испытанный муж:

— В Иране снесу, мол, немало голов,
Кавуса при всех я повесить готов! —

Коль выживет — нашу раздавит он рать,
Простому и знатному не сдобровать.

Как нечья о том, кто желает нам зла?
Худая молва про меня бы пошла.

Гудерз, опечален известьем дурным,
К Рустаму помчался, летит словно дым.

Сказал: «Что анчар — повелителя прав;
Он — вечный источник все новых отрав.

Суров и горяч, как никто из царей,
Не ценит он доблести богатырей.

Тебе повидаться бы с ним самому,
В душе озлобленной рассеять бы тьму!»

РУСТЕМ ОПЛАКИВАЕТ СУХРАБА

По воле вождя принесен был слугой
Узорчатый плащ из парчи дорогой.

Окутав юнца одеянием тем,
Собрался к властителю мчаться Рустем.

Но только лишь ногу успел он занести
В седло, как услышал печальную весть:

«Сухраб из просторного мира ушел.
Гроб нужен ему, не дворец, не престол!

Позвал он отца, тяжело-тяжко вздохнул,
Со стоном ресницы навеки сомкнул».

И спешился, вихря быстрее, Рустем,
И вот на главе его прах, а не шлем.

Воззвал он, и хлынули слезы дождем,
И плачут вонтели вместе с вождем:

«Мой отрок, отмеченный славной судьбой,
Род витязей гордых венчавший собой!

Ты шлем и кольчугу, венец и престол
Навеки покинул, навеки ушел!

Тягчайшая это из тягостных бед —
Стать сыноубийцей на старости лет.

Внук Сама, чье имя повсюду гремит,
Сын матери славной — повержен, убит!

Со мной ни один богатырь несравним,
А в битве я был — что младенец пред ним.

Мне обе руки да отрубят, кляня,
Во прахе отныне да видят меня!

Что молвить, коль спросит о юноше мать,
Как черную весть ей посмею послать?

За что он убит — как найду я ответ,
За что пред невинным померк белый свет?

Позор мне! Один я виновен во всем.
Кто слышал, чтоб сын был повержен отцом?

Кто б сына своею рукою убил,
Отважного, мудрого, полного сил?

Царь славный, родитель чистейшей из жен,
Что дочери скажет, бедою сражен?

Род Сама-вонтеля гневно кляня,
Жестоким, коварным сочтет он меня.

Кто ж думал, что отрок блистательный тот
Столь рано, как тополь высокий, взрастет,

И двинется против Ирана войной,
И день мой окутает мглою ночью!»

По воле Могучего, юноша-сын
Покрыт багряницею, как властелин.

Мерещились царство ему и престол,
Гроб тесный — увы — вместо них он обрел!

С поляны в гробу исполни унесен,
В шатре у Рустема поконится он.

А ставку погибшего в битве вождя
Сожгли, вековые обряды блюдя:

Предали огню и седло, и шатер,
И трон, и доспехи, слепившие взор.

Стенная, бескрайняя дрогнула ширь,
Рыдает по сыну Рустем-богатырь:

«Не видеть уж миру героя в борьбе
Подобного львиной отвагой тебе!

Где разум, что многое в мире постиг,
Где мощные плечи, где ясный твой лик?

Увы, как страдал ты, простертый в пыли,
Томясь по отцу, от родимой вдали!»

Одежды свои раздирал он в слезах,
Лил кровь из очей, грыз в отчаянии прах,

Твердил: «Будет сына Заль-Зер проклипать
И с ним Рудабе — добродетельная мать.

Рустем, скажут, верх над юнком одержал,
Вонзил ему в грудь смертоносный кинжал!

О, что я скажу в оправдание им?
И кто оправданьям поверит моим?

Что витязи скажут в родной стороне,
Услышав недобрую весть обо мне.

Узнав, что подкошен рукою моею
Столь доблестный муж, украшение мужей!»

Тогда меченосцы Кавуса-царя
На землю вокруг скорбного богатыря

Уселась, и хор увещаний звучит,
Но тот не внимает, печально убит.

«То рока обычай: одною рукою
Дарит он венец, гетлю держит в другой.

Лишь сел ты на трон, торжеством осиян,
Уж с трона тебя совлекает аркан.

К земному душой не тянись, все равно
С землею расстаться тебе суждено.

Подольше пожить загадаешь едва —
А глядь, уж во прахе твоя голова.

Такую нам долю судил небосвод,
Разумный безумцем его назовет,

С ним тщетно ты споришь — разгадка проста:
Незрячие очи, немые уста...

Не плачь, и родного напрасно не кличь!
Ведь смысл происшедшего нам не постичь».

Услышав, что умер Сухраб-исполн,
С бойцами примчался Кавус-властелин,

И речь полилась, благосклонна, сладка:
«Все бrenно, от края Эльборз до листка;

Все сферы, вращаясь, с собой унесут;
Не должен земной обольщать нас приют.

Кто знает, чей раньше наступит черед,
Но только от смерти никто не уйдет.

Не плачь об ушедшем, печаль отгони
И к слову разумному слух преклони:

Хотя бы на землю ты сверг небосвод,
Весь мир бы зажег от низин до высот,

Ушедшего ты не вернул бы, поверь!
Душа его в горнем чертоге теперь.

Мне издали только пришлось увидеть
Ту палицу, плечи,
могучую стать.

То рок побудил его двинуть полки,
Судил ему пасть от отцовской руки.

Беде не поможешь: доколе страдать,
Доколе о мертвом стенать и рыдать!»

Промолвил Рустем: «Больше нет его. Стан
Остался на поле: там витязь Хуман,

Бойцы, чья отчизна — Туран и Китай;
Ты гнева в душе против них не питай.

С йездановой помощью, волей твоей,
Пусть их Зеваре уведет поскорей».

«Да, с нами не должно теперь воевать. —
Шах молзил, — хоть много туранская рать

Досель причинила мне горя и зла,
И тяжким страданьям Иран обрекла,

Но горестью ранил ты сердце и мне.
Конец положу я кровавой войне!»

РУСТЕМ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ЗАБУЛИСТАН

Шах с войском в Иран воротился затем;
На месте оставшись, печальный Рустем

Ждал брата, что послан был им проводить
Туранцев — от бед их в пути оградить.

И вскоре вернулся к нему Зеваре,
И вывел дружину Рустем на заре.

Привел он воителей в Забулистан,
И вышел Рустему навстречу Дастан.

Все люди Сисстана встречали его,
Встречали в тоске и печали его.

Землею посыпала головы зная;
Пред гробом в безмолвии ехала рать,

Прорвав барабаны, литавры разбив,
Хвосты боевым скакунам обрубив.

Лишь гроб показался, сын Сама седой
Покинул коня с золотою уздой.

И спешился витязь, навстречу спеша;
Вся в клочьях одежда и в клочьях душа.

Бойцы именитые, сняв кушаки,
Склонились, полны неутешной тоски,

У гроба, поникнув главами, стоят,
Скорбя о прославленном, слезы струят.

Могучий, лишаясь от горести сил,
Блестящий золотом гроб отворил

И молвил отцу: «Видишь, дремлет мой сын.
Ты скажешь, то Сам, твой отец-исполни!»

Кровавые слезы Дастан проливал,
В печали к создателю громко зывал.

«Сын доблестный! — слышен Рустема призыв, —
Ушел ты, а я, злополучный, все жив!»

Заль скорбно зывает: «То сон наяву!
Сухраб малолетний вознес булаву

И славу списал среди знатных!.. О нет,
Подобный ему не рождался на свет!»

Слезам позволяя без удержу течь,
Все вел он о доблестном юноше речь.

Под своды чертога Могучий вступил,
С рыданиями громкими гроб опустил.

Увидела гроб Рудабе — обмерла,
Кровавые реки из глаз пролила.

Вскричала в отчаянии: «Вождь-исполни,
Восстань же из гроба на миг хоть один!»

И полная скорби, стенала она,
И плач над юном начинала она:

«О львенок, героем рожденный герой!
Такой не родится вонтель второй.

Ты матери старой ответь на вопрос:
Что в пору цветенья с тобою стряслось?

Зачем — роковую мне тайну открой —
Дворец ты отверг для темницы сырой?

Зачем был отец так безмерно жесток,
За что твою грудь он кинжалом рассек?»

К Кейвану* тот плач непрерывный вставал.
Кто слышал, тот слезы ручьем проливал.

За темной завесой сокрылась в тоске;
Ланиты несчастной в пыли и песке.

И горько рыдает Рустем: из очей
Не слезы струятся — кровавый ручей.

Сказал бы, готовится мира конец,
Так радость была далека от сердца.

Вот с гробом Сухраба, почившего льва,
К бойцам воротился их скорбный глава,

Откинул покров, и героя чело
Явилось мужам, безмятежно, светло.

Лишь взорам предстала Сухраба краса,
Дым вздохов, ты скажешь, застлал небеса.

Не в силах очей оторвать стар и мал,
Горючие слезы любой проливал,

У каждого темен от горести лик,
И каждый у гроба главою поник.

Ты скажешь, был гробом весь княжий дворец,
Где тихо поконлся юный храбрец.

Казалось, то Сам, возглавляющий рать,
От битвы устал и прилег подремать.

Укутанный желтой парчою, он спит,
И вот уж приют его тесный забит.

«Построить бы,— молвил Рустем,— не простой,
Усыпанный мускусом склеп золотой,

Достойный великой утраты, но он
По смерти моей был бы весь разорен».

Из крепкой породы воздвигнули склеп.
От слез не один горевавший ослеп.

Был гроб из алая, и цепи на нем
Глаза золотым ослепляли огнем.

Повсюду молва разгласила, меж тем,
Что сына убил в поединке Рустем.

Той грустною вестью весь мир потрясен,
И каждый внимавший печалью пронзен.

И дни для Рустема текли, как года,
И радость была его сердцу чужда;

Терпеть и мужаться решил, наконец;
Унынье почел недостойным боец.

И прежде такие свершались дела,
И многие души печалью обожгла.

Кто в мире — коль мудростью он одарен —
Приманками жизни земной покорен?

Узнали о горшей из горьких утрат
В Иране, и каждый был грустью объят.

Ту скорбную весть предводитель Хуман
Принес Афрасьябу, вернувшись в Туран.

Немало дивился ей царь, и урок
Из сказанных слов для себя он извлек.

МАТЬ УЗНАЕТ О СМЕРТИ СУХРАБА

Разносится вопль над туранской землей:
Пал в битве кровавой Сухраб удалой!

И горем убит Семенгана* глава.
Уже донеслись роковые слова

До матери бедной; узнала о том,
Что сын в поединке повержен отцом.

Рванула шелка на себе, заснял
Ее наготы розовеющий лал.

Раздался пронзительный, горестный крик,
Покрылся смертельною бледностью лик.

Терзая ланиты, льет алую кровь,
То падает, то поднимается вновь.

Своих шелковистых волос завитки
На кисть намотав, вырывает с тоски,

И плечи ногтями терзает себе,
И прахом главу посыпает себе.

Огонь на своей голове разожгла,
Душистые кудри огню предала,

Рыдала: «О матери жизнь и душа!
Где ныне лежишь ты, в крови, не дыша?

Я глаз не могла от дороги отвести,
Ждала: не приплут ли желанную весть

Сухраб и Рустем. Ты, очей моих свет,—
Гадала я,— верно, объехал весь свет,

Рустема искал и нашел ты, и рад
К родимой теперь воротиться назад...

Ждала ли я, сын мой, такого конца,
Что будешь ты скошен булатом отца!

Над юной и чистой красою такой,
Над станом могучим, могучей рукой,

Не сжалился, сердцем не дрогнул ничуть,
Кинжалом пронзил неповинную грудь!

Как нежно неслась я о жизни твоей
При блеске лучей и во мраке ночей!

А ныне ты плавать в крови обречен,
Не в мантию — в саван отцом облачен!

Кого же я ныне в объятья приму,
Заботу и горе открою кому?

Кого призову я, надеясь, любя?
Кто сердце утешит мне вместо тебя?

Мой светоч! Неполненный жизни и сил,
Ты сад и чертоги на яму сменил.

Мой витязь! Отца помышлял ты найти,
Но только могилу нашел на пути.

Ты, полный надежд, безнадежность узнал.
Ты злобу — не ласку и нежность — узнал.

Пред тем, как занес он булатный клинок
И белую грудь без пощады рассек,

Зачем не решился ты правду сказать,
Хранимый тобой амулет показать?

Приметы отца от родимей своей
Ты слышал — зачем не доверился ей?

Ушел, а меня ты оставил в плену.
Как скорбный свой век до конца дотяну!

О, доблестью в мире успевший блеснуть,
Зачем я с тобой не отправилась в путь!

Меня издали узнал бы Рустем
И нас обласкал бы обоих затем,

И бросил бы острую сталь исполни,
И ею, произведенный, не пал бы мой сын!»

Тоскуя, схватилась за голову мать,
Вновь стала ланнты ногтями терзать.

Такие стенанья неслись в небеса,
Что людям глаза увлажняла роса.

Так рухнула наземь, не снесши тоски,
Что сердце любого рвалось на куски.

Лежит, недвижима, бела, словно снег:
В ней кровь, ты сказал бы, застыла наизек.

Очнулась и вновь принялась проклинать
Свой жребий, о сыне убитом стенав.

Увидела сына блестящий венец —
Кровь сердца окрасила слезы в багрец.

Над троном склоняет в отчаянии стан,
Взывает: «О царственный, стройный платан!»

Велит подвести боевого коня,
Чей блеск затмевал и сияние дня.

И крепко за шею обвил скакуна,
Всех тронула, всех изумила она.

То гриву погладит, то к ней принадеет,
То слезы над нею горячие лет,

И горько рыдая, подковы ему
Целует, коню огневому тому.

Вот мантия царская принесена —
Как сына, покров обнимает она.

Внесли и кольчугу по воле ее,
Лук добрый, колчан, булаву и копье,

Седло, и уздечку, и щит боевой —
Несчастлива бьется о щит головой.

Длины непомерной аркан перед ней —
Глядит и рыдает она все сильнее.

На шлем, на стальную броню поглядев,
Взывает: «О грозный воинственный лев!»

Меч острый Сухраба схватила, стена,
Отрезала гриву и хвост у коня:

Убогих своим оделила добром —
Конями и золотом, и серебром:

Велела, чтоб царственный сдвинули трон,
Затем с возвышенья низринули трон.

Окрасили в черное входы дворца,
Разрушили арки и своды дворца.

Цветник разорили, где сын пировал.
Откуда призвал его к бою кимвал.

Скорбя день и ночь неутешно, без слов,
Окутана в траурно-синий покров,

Ручьями кровавые слезы лила.
Лишь год после сына она прожила;

Тоскуя, к могиле желанной спеша,
Сухрабу вослед улетела душа.

Учил златоуст несравненный Бахрам: *
Душой не стремись к дорогим мертвецам.

Здесь долго и сам не задержишься; будь
Всегда наготове отправиться в путь.

Родитель тебе уступил свой черед,
Но срок неизбежно и твой истечет.

Так было, так будет. Не сыщется ключ
К загадке извечной. Себя ты не мучь,

На поиски дин понапрасну не трать;
Врата не откроешь, не сломишь печать.

Не будь же земным быгнем обольщен,
Оно — скоротечный, обманчивый сон...

Душа к Снавушу теперь повлеклась.
Пора, приведу к завершению сказ.

Без слез эту повесть кто б выслушать мог?
Чье сердце бы гневом Рустем не зажег?

СКАЗ О СИАВУШЕ

РОЖДЕНИЕ СИАВУША

Дни мчатся; неможется шахской жене,
Пленительно юной, цветущей весне.

Лишь в беге небесного свода истек
Начертанный девятимесячный срок,

Пришли к повелителю с вестью благой:
«Порадуйся дару жены дорогой!

До неба теперь вознесешь свой престол.
О царь, ты не чадо, а чудо обрел!

Младенца такого не видывал мир:
Хорош, как пери, как священный кумир».

О прелести дивной лица и кудрей
Мгновенно молва донеслась до людей.

Владеть небосводом достоин был сын;
Его Снавушем нарек властелин.

Гадал о младенце седой звездочет,
И вскоре поведал ему небосвод

Свое предсказанье; гласило оно.
Что много царевичу бед суждено.

И сердце гадателя сжалось в тоске.
Младенца он взерил Пездана* руке.

И шаха-родителя предостерег,
Поведал, что к сыну не милостив рок...

Года миновали. К царю во дворец
Примчался могучий забульский боец.

Просил он: «Мне львенка дозерь своего,
Воспитывать мне подобает его.

Здесь нянек немало, да грош им цена;
Ты лучше меня не найдешь пестуна».

Раздумывал долго над тем властелин,
Затем, для отказа не видя причин,

Он отрока храброго, полного сил,
Свой светоч — заботам бойца поручил.

Могучий в Забул Снавуша увез,
Жилище воздвиг для него среди роз.

Арканом и луком владеть, и уздой,
И тешиться в поле лихою ездой,

С гепардом и соколом мчаться на лов,
Обряд соблюдать богатырских широв,

Страной управлять, строить грозную рать.
Добро от насилия и зла отличать —

Всему Снавуша Рустем обучил,
Немало на эго затратил он сил.

И вырос таким молодой Снавуш,
Что с ним ни один не сравнится бы муж.

Не раз, выходя с удальцами на лов,
Герой заарканывал яростных львов.

И молвил царевич Рустему-бойцу:
«О витязь, меня потянуло к отцу.

Меня обучая искусству царей,
Трудился ты рьяно. Хочу поскорей

Отцовское сердце порадовать всем,
Чему обучил меня славный Рустем».

Царевича выслушал вождь удалцов
И в разные стороны шлет он гонцов.

Оружие, перстни, венцы, кушаки,
И с золотом, и с серебром кошельки,

Одежда, сосуды, рабы, скакуны
Рустему во множестве привезены.

А что не сыскалось на месте — за тем
Послал в отдаленные земли Рустем.

Столь много даров погрузили, что рать
Дивилась, юнца выходя провожать.

И витязь немалый проехал с ним путь,
Чтоб грусть не стеснила царевичу грудь.

Весь край, слезно в праздник огнями горя,
Украсился, радуя богатыря.

Осыпали амброй и златом юнца,
Повсюду полны ликования сердца.

На улице каждой веселье кипит,
И каждая кровля убранством слепит.

Ступают копыта лихих кобылиц
По грудам монет. Озобоченных лиц

Не встретишь — хоть весь обойди ты Иран;
И мускус на гривах коней, и шафран.

.

СУДАБЕ* ВЛЮБЛЯЕТСЯ В СНАВУША

Шло время, душой расцветал властелин;
Его утешеньем был доблестный сын.

Однажды сидел, с ним беседуя, шах,
Как вдруг Судабе показалась в дверях.

Едва увидав Снавуша, она
Любовью внезапно была пронзена.

Томила и таяла, стала, как нить,
Ты лед над огнем с нею мог бы сравнить.

К царевичу вестника шлет: «От меня
Спешн передать, осторожность храня:

«В гарем заглянул бы к отцу своему,
Никто удивляться не стал бы тому».

Слуге Снавуш, возмущен и суров,
Промолвил: «Царице ответ мой таков:

В гарем повелителя я не ходок;
Мне хитрость чужда, ненавистен порок».

Всю ночь пролежала царица без сна,
Наутро к царю поспешила она:

«Вождь рати! — ему говорит Судабэ,—
Не виделю солнце подобных тебе.

И юного мир прославляет царя:
Да здоровствует, радость народу даря!

Ему повели навестить поскорей
Супругу твою и твоих дочерей.

Пусть ходит свободно в гарем с этих пор,
Почаще пускай навещает сестер;

Так любят его и тоскуют по нем,
Что льют они слезы и ночью и днем.

Придет он — склонимся, почет воздадим,
Дарами и рвеньем ему угодим».

Кавус отвечает: «Нет речи мудрей.
К нему ты добрее чем сто матерей».

И сына призвав, говорит Кей-Кавус:
«От голоса крови, от родственных уз

Не скрыться. Любовь ты вселяешь в сердца
Таким уж ты создан по воле творца.

С тобою ведь в близком родстве Судабе —
Недаром душой потянулась к тебе.

В гареме ты сможешь сестер повидать,
В царице найдешь благосклонную мать.

Тебя облакают, почтят от души
Затворницы, их навестить посигиши».

Такие слова говорит властелин.
В тревоге, в смущении слушает сын

И так размышляет, молчанье храня,
Печаль и глухое сомнение гоня:

«Царь, видно, испытывать верность мою
Задумал — проверить, что в мыслях таю».

Царевич умом был остер, прозорлив
И знаний исполнен, и красноречив.

Начало такое недобрый конец
Ему предвещало; страшился мудрен,

Что в сеть попадет он к жестокой судьбе —
В гареме погубит его Судабе.

«Властитель державы! — так вымолвил он,
Не ты ль даровал мне и царство и трон?

Повсюду, где солнце с небесных высот
На землю лучи животворные льет,

Ты славилсья, всех превзошел ты вождей
И мудростью, и добротою своею.

Ты путь укажи мне к мужам-мудрецам,
К прославленным, неустрашимым бойцам:

В науке у них изощрюсь боевой,
В стрельбе, во владеньи копьем, булавой.

В державных делах и в весельи ночном —
Под пенные руда*, за пенным вином.

А в женских покоях учиться чему?
У жен ли познаний набраться уму?

Но если решение царя таково —
Пойду я, покорный приказу его».

«О сын мой, будь счастлив! —
царь молвил в ответ, —
Столи мудрости — так да зовет тебя свет!

Так пламенна речь твоя, так хороша,
Что разум расцвел, просветлела душа.

Тревожные помыслы прочь отгони,
Да будут светлы твои думы и дни!

Сестер дорогих навести поскорей,
Их братской любовью и лаской согрей».

И сын отвечает: «Готов я идти,
Чтоб царскую волю твою соблюсти».

СИАВУШ ПРИХОДИТ К СУДАБЕ

Был старый слуга у владыки — Хирбед.
Блюдя неусыпно служенья обет,

Дом жен охранял он и днем и в ночи;
Ему вручены от покоев ключи.

Такую от шаха слышал он речь:
«Лишь солнце исторгнет блистающий меч,

Иди к Снавушу и каждый приказ,
Который услышишь, исполни тотчас.

Вели Судабе свой ларец отворить,
Алмазами щедро его одарить.

А сестры с рабынями пусть поднесут
Кто — мускус, кто — жемчуг, а кто — изумру

Когда над вершинами встала заря,
Предстал Снавуш пред очами царя.

Поклон сотворил, и отец в тишине
С ним долго беседовал наедине.

Окончив беседу, Хирбеда призвал,
Ему наставления должны дал,

Сказал Снавушу: «Иди вместе с ним,
Будь весел: впервые идешь ты к родным».

Направились к женским покоям дворца
Хирбед и царевич — покойны сердца.

Но только завесу успел приподнять
Хирбед — полон страха царевич опять.

В гареме с почетом встречают его,
В честь гостя великое там торжество.

Невиданным блеском чертог осиян,
С душистою амброю спорит шафран;

Нет счета пленяющим взор жемчугам;
Дирхемы царевичу сыплут к ногам.

Путь устлан китайской парчой золотой,
Алмазным сиянием сплошь залитой.

При говоре струн распевают певцы,
На юных красавицах блещут венцы.

Кружится пленительных дев хоровод,
Все к неге и райским усладам зовет.

В чертоге сверкающем том водружен
Высокий, из чистого золота трон.

Он дивно украшен слепящей глаза
Парчой, на которой цветет бирюза.

На троне, блистая красой неземной,
Сидит Судабе, ликом схожа с луной.

Светила Немена затмила она!
Душистых кудрей смоляная волна

Струится, трепещет, спускаясь до пят:
Алмазы в венце драгоценном горят.

И держит рабыня, у трона склоняясь,
Ее башмачки золотые. Лишь князь

К престолу направился — ликом светла,
Царица поспешно с престола сошла

И низкий отвесила гостю поклон.
И вот у прекрасной в объятиях он.

Целует она молодого вождя
И молвит, с прекрасного глаз не сводя:

«Заря ли на небе, ночная ли мгла,
Моя не смолкает Пездану хвала.

Еще у кого столь блистательный сын?
И в царском семействе такой — ты один».

Но чует смущенный царевич: грешны
Объятья горячие царской жены.

Здесь дело неладно. Тревогой томим,
Поспешно подходит он к сестрам своим.

Царевны навстречу с приветом идут,
Его к золотому престолу ведут.

Немалое с ними он время провел
И после, тепло распростившись, ушел.

В гареме толкуют о нем лишь одним:
«Вот истинный царь! Сколько доблести в нем!»

И мудрости свет на высоком челе...
Таких не бывало еще на земле!»

В чертоги отна, между тем, Славун
Вступает и молвит: «О, царственный муж!

Гарем посетил я: на жребий роптать
Тебе, о счастливейший царь, не под стать,

Хушанг и Джамшид с Фаридуном,* клянусь,
Тебя бы затмить не могли, Кей-Кавус».

Речь сына услышав, отец просиял,
Украшил чертоги, наполнил фиал.

Пируют и слушают лютню, в вине
Тотя помысленья о зазтрашнем дне...

Как только стемнело, покинув престол,
В покон супруги властитель вошел

И молвил: «Скажи откровению, жена,—
Ты правду скрывать от меня не должна:

Прекрасен ли юный мой сын? Какоза
Осанка его и разумны ль слова?

Вонистину ль мудростью он наделен,
И славы столь громкой достоин ли он?»

В ответ Судабе: «Не царил под луной
Подобный тебе пожелитель иной.

И славному сыну нигде твоему
Нет равных,— замалчивать правду к чему?»

«Да станет он мужем! — царь молвил тогда,—
Его да минуют и слава и беда!»

Сказала она: «Коли будут царю
Угодны слова, что ему говорю —

Царевичу дам я жену из своей
Семьи, не ища среди чуждых семей.

Царевичу сына подарит она,
В ком будет отцовская доблесть видна.

Средь юных царевен, что мной рождены,
Когда для себя не найдет он жены,

То пусть Кей-Ареша он дочь изберет
Иль дочь Кей-Пешина,* чей царственный р

Шах молвил на это: «Согласье даю,
Тем силу умножу и славу свою».

Наутро царевич явился к отцу,
Хвалу его трону воздал и вещи.

Других удалив, Кей-Кавус в тишине
Стал с сыном беседовать наедине.

Сказал венценосец: «Не раз я молил
Создателя мира, дарителя сил,

Чтоб славный твой род не угас, чтобы трон
Был царственным сыном твоим озарен;

И так же, как стал ты отрадой моей,
Да станет он светом отцовских очей!

Жрецов о твоей вопрошал я судьбе:
Поведали мне мудрецы, что тебе

Такого наследника звезды сулят,
Чью память нетленной века сохранят.

Супругу теперь для себя избери
Высокого рода, чьи предки — цари.

Ищи у Пешина, Ареша в дому.
Уж действовать время, готовься к тому».

И слышит сыновний ответ Кей-Кавус:
«Я воле державной твоей покорюсь.

Кого повелишь, назову я женой;
Я верный твой раб, о владыка земной!

Об этом решении узнав, Судабе,
Быть может, противиться станет тебе,

Но ей не пристало об этом судить,
И незачем впредь мне к царице ходить».

Кавус улыбнулся; в тот миг роковой
Он толь не сумел разглядеть под травой.

Сказал он: «По сердцу ты должен найти
Жену; опасения прочь отметь.

Царица, заботясь о благе твоём,
Тебя обласкает, поможет во всем».

Сын, выслушав речь отца своего,
Уверился в благоволеньи его.

Он пал пред высоким престолом царя,
Всевластного слава и благодаря.

По думы царевича все же смутны,
Он чует: то замысел царской жены.

То ею раскинуты злые силки.
И сердце — в тисках затаенной тоски.

СИАВУШ ВО ВТОРОЙ РАЗ ПРИХОДИТ В ПОКОН СУДАБЕ

Вновь свод позвездился и ночь протекла,
И снова земля молода и светла.

Сияя, взошла Судабе на престол,
Венец золотой изумрудами цвет.

Явились царевны; слепя красотой,
Воссели они на престол золотой.

Рой юных красавиц порхает, гарем
Цветет и сияет, как будто Эдем.

И слышит Хирбед луноликой приказ:
«Ступай, передай Сиявушу тотчас:

О, статный как тополь, тебя лицезреть
Хочу — лицезрением сердце согреть».

Торопит царица посланца, и тот
Исполнить ее повеленье идет.

Известьем таким Сиявуш удручен,
В тревоге взывает к создателю он,

Смятеньем объятый, не видит пути,
Как злую беду от себя отвести,

К царю направил стопы, наконец,
Блестит на ней драгоценный венец.

И ярче алмазов сиянье чела.
Вот к гостю, покинув престол, подошла.

Глубоким поклоном почтила его,
С собой на престол усадила его

И царских снечит показать дочерей:
Все блещут красою, достойны царей.

Сказала: «На трон обрати ты свой взгляд.
Там юные девы в коронах сидят,

Прекрасным кумирам Тераза равны.*
Из неги и прелести сотворены.

Вглядись и ответствуй, которой из них
Ты сердце даруешь, венчанный жених?»

Князь еле глядит на царевен, а те
Очей не отводят, его красоте

Дивятся, тайком меж собой говоря:
«Что месяц пред ликом такого царя!»

Вот каждая снова в светлице своей
И грезит: царевич достанется ей.

Невест отослав, говорит Судабе:
«Доколе скрывать свою волю тебе?

Какую из них выберешь? Говори.
Ты ликом прекрасным похож на перн.

Тебя лишь завидев, любая сама
Готова тебя полюбить без ума.

Прислушайся к голосу разума: что ж,
Какую невестой достойной сочтешь?»

В ответ не сказал Снавуш ничего,
Тревожная дума смущает его:

«Мне лучше предаться могильному сну,
Чем взять из враждебного рода жену.

От витязей славных я слышал не раз
О хамаверанском владыке рассказ —

Как шаха иранского он заточил,
Как витязей наших в оковах томил.

И дочери сердце коварства полно,
Ей славный наш род ненавистен давно».

Молчанье хранят Снавуша уста.
Тут с лица царицы упала фата,

Сказала красавица: «Рядом с луной
Лик солнца увидевший, житель земной

Не диво, коль бледной признает луну.
Взгляни, пред тобою как солнце сверкну!»

Меня лицеизред ты в короне моей,
В лучах жемчугов и бесценных камней —

Кто мог бы теперь твое сердце привлечь?
Ты девами, вижу, готов пренебречь.

Решайся же в верности мне присягнуть,
Унорство оставь, опасенья забудь.

Рабою моя малолетняя дочь
Войдет в твой гарем. Опасения прочь!

Уста разомкни для обета любви,
Моей благосклонности счастье лови.

Умрет повелитель — ты в мире земном
Мне памятью милою будешь о нем.

Как душу свою, охраняя от бед,
Меня ты лелей до скончания лет.

Стою пред тобою, любви не тая,
Душою и телом отныне твоя.

Рабою к тебе я попала во власть,—
Сама в твои сети желала попасть».

И шею царзничка крепко обвив,
Целует его, о стыде позабыв.

Но стыд Снавушу ланиты обжег,
Из глаз заструился горячий поток.

Он думает: «Сети раскинул мне бес.
Храни мою душу, владыка небес!

Могу ль вероломно отца обойти,
Предать его — с дьяволом дружбу свести!

Но если красавицу я оскорблю,
Холодным ответом в ней гнев распалю —

Прибегнет к коварству бесовских сетей,
Владыку опутает ложью своей.

Нет, лучше с ней ласково речь поведу,
Ее ублажив, отвращу я беду».

В ответ Сनावуш говорит Судабе:
«Нет в мире красавицы равной тебе.

Тебя не затмит и сиянье луны;
Достоин лишь царь столь прекрасной жены.

В супруги я ту, что тобой рождена,
Возьму: не нужна мне иная жена.

Решенье должна ты царю передать
И царского соизволения ждать.

Тебе приношу я священный обет
Дождаться, пока моих нынешних лет

Достигнет невеста моя. До тех пор
Никто не пленит мое сердце и взор.

Не должно мне слушать о лике моем,
О том, что пылаешь любовным огнем.

Забудется это, минует как сон...
Что делать, уж так я творцом сотворен!

Сокрытой останется тайна твоя,
От мира хранить ее стану и я.

Тебя, как царицу цариц, почитать
Готов я, любить, словно милую мать».

Так молвил и вышел. Меж тем все сильней
Преступная страсть разгорается в ней.

Вот ночь наступила, в покои жены
Вошел Кей-Кавус, позлитель страны.

Увидев его, Судабе подошла,
О сыне властителя речь повела:

«Здесь был и гарем он осматривал весь,
Всех дев чернооких, собравшихся здесь. —

Столь дивных красавиц, что их бы сравнил
Ты с сонмом лучистых небесных светил.

Но он ни одной не пленился из них,
Дочь выбрал мою несравненный женных».

От радости так заснял Кей-Кавус,
Как будто луна с ним вступила в союз.

Ларя за ларем отворял он засов;
Собрал он немало венцов, поясов,

Уборов, достойных обличья царей,
Престолов, достойных величия царей,

Доспехов и много сокровищ иных...
Земля, ты сказал бы, ломилась от них.

Царские велит он: «Богатства храни;
Назначены в дар Сनावушу они.

Вручая, ты скажешь: здесь мало даров,
Их счет я стократно умножить готов».

Дивится богатым дарам Судабе,
А в сердце твердит непрестанно себе:

«Когда не смогу я себе подчинить
Желанного — лучше на свете не жить!

Открыто и тайно я к средствам любым
Прибегну; красавца, что мною любим,

Коль силою чар не сумела привлечь —
Решусь на позор всенародно обречь».

СНАВУШ В ТРЕТИЙ РАЗ ПРИХОДИТ В ПОКОИ СУДАБЕ

На трон в светозарной короне своей
Воссела, алмазные серьги на ней;

Призвать повелев Снавуша, опять,
Речами его начала искушать.

Сказала: «Готовит владыка дары,
Каких не видали до этой поры.

Несчетные собраны блага земли —
Их двести слонов бы едва довезли.

И юную дочь я тебе отдаю,
На кудри взгляни, на корону мою;

Найдешь ли предлог, чтоб отвергнуть меня,
Со взором блистающим ярче огня?

Тебя увидала, и гибну с тех пор,
И стражду, и жажду, и сердце — костер.

Твой лик меня в муку такую поверг,
Что день пред моими очами померк.

Семь лет от любви изнывая, томясь,
Кровавые слезы точу я из глаз.

Ты радостью тайной мне жизнь озари,
Ты новую молодость мне подари!

Я больше, чем царь, драгоценных даров
Тебе поднесу — лишь откликнись на зов!

А если не хочешь покорность явить
И юной любовью меня оживить —

Тебе отомщу я: престола лишу,
Свет солнца и звезд для тебя погашу!»

В ответ ей царевич: «Тому не бывать.
Мне ль, страсти покорствуя, честь забывать!

Отца обмануть, добродетель поправ,
Могу ли? Нет, чужд вероломству мой нрав!

О, солнце престола, владыки жена,
Подобным грехом ты гнушаться должна!»

Разгневан, хотел он вернуться к себе,
Но шепчет, вцепившись в него, Судабе:

«Тебе я отважилась душу излить,
А ты замышляешь мне злом отплатить!

Ты хочешь унизить, оставить меня,
Всем честным порочной представить меня!»

СУДАБЕ ОБМАНЫВАЕТ КЕЙ-КАВУСА

Ланиты себе исцарапала вмиг
И разорвала одеяния; крик

Донесся из женских покоев дворца,
Смятением и страхом наполнив сердца.

И весь зашумел, всполошился дворец,
Сказал бы ты: свету приходит конец!

Лишь вопль до ушей властелина дошел,
Он тотчас покинул державный престол,

Охвачен тревогой, душою смущен,
В гарем торопливо направился он.

На лике царицы кровь видит супруг,
Шум, крики прислужниц, смятение, испуг...

Коварства жены Кей-Кавус не постиг.
Узнав о случившемся, вспыхнул он вмиг.

Рыдая, предстала пред ним Судабе,
Льет слезы и волосы рвет на себе,

Кричит: «Сын твой дерзостный миг улучил,
В объятья меня, как в тиски, заключил,

Шепча: — Я любовного полон огня.
Доколе тебе сторониться меня!

Душа моя рвется к одной лишь тебе,
Склонись же, прекрасная, к пылкой мольбе! —

Сорвал мой венец, — правду как утаю! —
Взгляни, разорвал и одежду мою».

Той речи в раздумьи владыка внимал,
И долго расспросы еще продолжал.

Он думал: «Коль правду сказала жена,
И замыслов черных не прячет она —

Снесу Снавушу я голову с плеч!
Иначе мне узел беды не рассечь.

Что мудрые скажут про эти дела?
Тут кровь вместо пота закаплет с чела!»

Он прочь отослал верноподданных слуг,
В тоске и тревоге стоявших вокруг.

Затем на престоле оставшись один,
Жену с Снавушем призвал властелин.

Спокойно повел он разумную речь:
«Ты истину должен из мрака извлечь.

В беде своей сам я повинен, не ты,
Я жертвою собственной стал слепоты.

Зачем я в гарем распахнул тебе двери!
Я — в горе, ты бьешься в тенетах теперь.

Открой же уста, без утайки и лжи
Ты все происшедшее мне расскажи».

И правду услышал в ответ властелин,
Как речью царицы разгневан был сын.

Что сказано было... Одно за другим
Деянье неверной раскрыты пред ним.

В ответ Судабе: «Вероломный солгал!
Всех дев он отверг, лишь меня пожелал».

Ему все дары перечислила я,
Какие рука предлагала твоя:

Орудие, золото, царский венец,
Без счета сокровища, дочь, наконец!

Не меньше бы я уделила ему,
Все блага земные сулила ему.

Сказал он: «Богатств не хочу, не нужна
Ни дочь мне твоя, ни другая жена».

Хочу лишь тебя вместо мира всего,
А кроме тебя — никого, ничего».

Меня он сломить попытался, в руках
Сжимая, как будто в гранитных тисках.

Но я не сдавалась. И, яростен, дик,
Стал волосы рвать он, царапать мне лик.

Ношу твоего я младенца, внемли
Правдивому слову, владыка земли!

С испуга его потерять я могла;
Весь мир пред очами окутала мгла».

«Не вижу,— внямая, раздумывал шах,—
Я правды ни в тех и ни в этих речах».

Нет, в деле таком торопиться не след,
В горячности, в гневе наделаешь бед.

Поглубже сначала я вникну в их спор,
Мне сердце подскажет тогда приговор.

Узнаю, кто грешен из этих двоих,
Кто кары жестокой достоин из них».

Чтоб дело расследовать, царства глава
К рукам Снавуша склонился сперва,

Взяв сына за плечи, к себе притянул,
И запах кудрей и одежды вдохнул.

Склонился к жене: от ланит и волос
Дыхание амбры к нему донеслось,

Но ею не пахло от юноши. Нет,
Объятий преступных отсутствует след!

Царь гневной хулой оскорбил Судабе,
Хоть сердце он этим изранил себе,

И в ярости мыслит: «Не буду ли прав,
Ее на куски растерзать приказав?»

Но после подумал про Хамаверан,
Где тотчас войны запыхает вулкан.

Припомнил еще опечаленный шах,
Как встарь одиноко томился в цепях;

О муже тогда Судабе лишь одна
Пеклась, и без жалоб страдала она.

К тому же и сердце любовь ему жгла:
Какого, любя, не стерпел бы он зла!

И малых детей повелителю жаль:
Немалое бремя — о малых печаль!

Повниен в случившемся не Сनावуш.
Нет спора — он чистый и праведный муж...

И молвит владыка: «Все это забудь.
Будь мудр, избери осторожности путь».

Чтоб нас не порочили злою молвой,
От мира ты все происшедшее скрой».

СУДАБЕ ПРИБЕГАЕТ К ПОМОЩИ КОЛДУНЬИ

Узнав о своем пораженье в борьбе,
Царя обмануть не сумев, Судабе

Вновь хитрые козни плести начала
И семя посеяла нового зла.

Служила в гареме колдунья в те дни,
Обман и коварство ей были сродни;

Младенца носила в утробе, и ей
Та ноша была с каждым днем тяжелей.

Колдунью к себе Судабе позвала,
Дав золота, верности клятву взяла

И молвила: «Слову внемли моему,
Да только не выдай меня никому.

Ты снадобьем верным себе помоги
И выкинь, а тайну мою сбереги.

Себя облегчишь и меня ты спасешь.
За истину выдам коварную ложь.

Скажу Кей-Кавусу: «Младенец тот — мой.
Убил его дьявол!» Пред шахом с мольбой

Паду, Сनावуша в злодействе вина...
За дело возьмись, не теряя ни дня!

А если согласишься не дашь ты, страшусь:
И милости царской, и трона лишусь».

На это колдунья отвечает ей:
«Готова склониться пред волей твоей».

На мир опустилась вечерняя мгла,
И женщина, зелья испив, родила

Два мерзких исчадия — двух близнецов;
От дива с колдуньей приплесд был таков!

Тайком от прислужниц, тот дьявольский плаз
Царица в лохань золотую кладет,

Колдунью затем водворяет в тайник,
Сама испускает пронзительный крик

И падает навзничь на ложе свое;
Гарем содрогнулся от вопля ее.

Прислужницы к ложу царевой жены
Все разом сбежались,
тревоги полны.

Два мертвых младенца предстали глазам,
Рыдания, стенанья летят к небесам,

И прерван стенаньями этими сон
Властителя; вздрогнув, прислушался он,

Расспрашивать стал, что случилось и где.
Узнав о постигшей царицу беде,

Взъярился, но гнева не выдал ничем.
Наутро пришел, удрученный,
в гарем.

На ложе увидел жену и вокруг
Печалью объятых, встревоженных слуг.

И мертворожденных увидел, четою
Лежавших в посудине той золотой.

Льет слезы рекою пред ним Судабе:
«Теперь, словно солнце,
все ясно тебе.

Не я ль пред тобою злодея дела
Раскрыла? Но разум твой ложь оплела».

Проникли сомнения в душу царя.
В раздумьи ушел он, себе говоря:

«На что же решиться? Чем зло мне пресечь?
Подобной виною нельзя пренебречь».

КАВУС РАССЛЕДУЕТ ДЕЛО О МЛАДЕНЦАХ

Собрав звездочетов иранской земли,
Которые тайны небес берегли,

Царь ласковым словом приветствовал их.
Затем, рассадив на скамьях золотых,

Рассказывать стал о венчанной жене.
Напомнил о хамаверанской войне,

Дабы прорицателей мудрость могла
Судить справедливо царицы дела.

Затем о младенцах заводит он речь,
Велев мудрецам тайну свято беречь.

Таблицы читая, сидели они,
Труднились не меньше недели они...

Сказали: «Коль чаша отравы полна,
Напрасно ты стал бы искать в ней вина.

Гадали мы чьим-то младенцам чужим —
Не ты и царица родители им.

О тех, что владыка держав породил,
Нетрудно прочесть предсказанья светила.

Но этих не видно ни здесь, на земле,
Ни в небе — их след исчезает во мгле».

Затем рассказали владыке земли
Все то, что узнать о колдунье смогли.

Стеная, вызывает к владыке жена,
В слезах правосудия просит она.

Твердит: «Мне не страшен паря приговор.
Побой, лишение престола, позор,

Невмочь мне младенцев загубленных кровь
Забуть,— что ни час умираю я вновь!»

«Уймешься ли, женщина! — царь ей в ответ.—
К речам твоим в сердце доверия нет».

И отдал он страже дворцовой приказ:
Собравшись, на поиски выйти тотчас.

Весь город от края до края пройди.
Виновницу зла отыскав, привести.

И стражи бывалые вскоре на след
Напали. Колдунью извлеки на свет.

Схватили и тут же к владыке зем-ли
Насильно злосчастную поволокли.

С ней шах поначалу добром говорил.
Ей жизнь обещал и награды сулил.

Но тем увещаньям она не вняла,
От шаха свершенные скрыла дела.

Не перя, велит он колдунью схватить.
Все средства возможные в дело пустить:

«Солжет — пусть распялят ее пополам.
Ведь так указуют обычаи нам».

К упрямой колдунье идут с палачом,
И ей угрожают петлей и мечом.

Она же одно повторяет в ответ:
«Вины за собою не ведаю, нет!»

Ни с чем воротились к царю во дворец:
Мол, петнну знает один лишь творец.

Велит Кей-Кавус привести Судабе,
Велит звездочетам при ней, при себе

Поведать, что речь о младенцах — обман.
Что мать их — колдунья, отец — Ахриман.*

Ответ у жены и на это готов:
«Правдивых от них не дождешься ты слов»

Им правду сказать запретил Снавуш,
Ослушаться князя под силу кому ж?

Кто мог бы тягаться с могучим таким?
Лев ярый, и тот задрожал бы пред ним.

Он восемь десятков слонов бы сразил,
Он Нилу бы силою путь преградил.

В сто тысяч бойцов закаленная рать
В бою от него бы пустилась бежать.

Мне, слабой, его одолеть не дано.
Лишь слезы кровавые лить суждено.

Кому, кроме князя, их речь угодит?
И кто их другой за нее наградит?

Ты холоден к детям, к их горькой судьбе,
А мне ведь не ближе они, чем тебе.

На зло равнодушно взираешь ты — что ж
В том мире зато от суда не уйдешь!»

И более влаги, чем Пил от лучей
Теряет, царица струит из очей.

Внимая коварной, и царь зарыдал.
С ней вместе младенцев оплакивать стал.

В печали затем проводил он жену:
Все думал он горькую думу одну.

И в поисках истины дальше идти
Решился, чтоб дело к концу привести.

Мобедов столицы владыка созвал
И мудрым мужам обо всем рассказал.

Ответил владыке верховный мовед:
«От мира не скроешь негаданных бед.

Коль истину хочешь раскрыть, государь,
Ты камнем о ковш, размахнувшись, ударь».

Душа твоя тяжким сомненьем полна.
И сын их внушает тебе, и жена.

Властителя хамаверанского дочь;
Тебе отогнать подозренья невмочь.

Когда ты и в ней усомнился, и в нем —
Его пль се испытай ты огнем.

Кто зла не свершил,
на костре не сгорит —
Так небо высокое нам говорит».

И вот объявил повелитель, к себе
Призвав Сनावуша и с ним Судабе:

«Покоя не знает мой дух и сейчас,
Не знаю досель,
кто виновен из вас.

Одно остается:
пусть жаркий костер
Виновнику вынесет свой приговор».

Ему отвечает на то Судабе:
«Я правды слова говорила тебе.

И мертворожденных ты видел детей:
Бызло ли в мире злодейство лютей!

В огонь Сनावуша пошли: это он
Свершил преступленье,
грехом соблазнен».

Властитель на сына взглянул своего:
«Решенье твое, — спросил, —
каково?»

Ответ был:
«Доколь от стыда мне гореть!
Мучения ада готов я презреть».

Велишь мне пройти через гору огня,
Пройду я — позор нестерпим для меня».

СНАВУШ НЕВРЕДИМЫМ ПРОХОДИТ ЧЕРЕЗ ОГОНЬ

Кавус, изнывая в душевной борьбе,
О сыне скорбит и о злой Судабе:

«Его ли, ее ли постигнет позор,
кто звать меня станет владыкой с тех пор?»

Жена — мое сердце, и кровь моя — сын.
Добра не сулит мне исход ни один.

И все же готов я прибегнуть к огню.
Сомнения сей страшной ценой отгону.

Вождь, мудрости полный, говаривал встарь
В груди подозренье носящий — не царь...

Везиру погонщиков звать он велит.
Им сто караванов пригнать он велит.

На рыжих верблюдах он множество дров
Доставить велит, непреклонен, суров.

И стали коленья везти без числа.
Все выше гора поднималась, росла;

Уж издали можно ее различить.
Царь дольше неведения бремя влачить

Не мог. С каждым часом страдая сильнее,
Искал он виновника боли своей.

Запомни, о сын мой, правдивую речь:
От женских сетей должно сердце беречь»

Женись, коль честную выбрал жену:
С порочной — изведешь муку одну...

В степи возвели две горы дровяных,
Народ с содроганьем взирает на них.

Меж теми горами проход неширок,
Там мог бы пресекать один лишь ездок.

По воле владыки, обильно сперва
Горячею нефтью полили дрова.

Вот с сотнями факелов слуги идут,
Подносят и дуют все разом, и тут

День сделается ночью, — не видно ни зги.
Но встали из дыма огня языки,

И вот уж земля небосклона светлей,
И пламя бушует при воплях людей.

Явился в степи Снавуш, между тем.
На нем золотой, ослепительный шлем.

Вид бодрый, одежда бела и проста.
Дух полон надежды, смеются уста.

И всех в этот миг опалила печаль.
Цветущего юношу каждому жаль.

Себя Снавуш осыпал камфорой,
Как будто свершая обряд гробовой.

Как будто его не в палящий огонь,
А в рай унести приготовился конь.

На гордом своем вороном скакуне,
Что тучею пыль поднимает к луне.

Приблизился к шаху и спешился он,
И отдал властителю низкий поклон

На лице у шаха смущенье и стыд.
Он ласково с сыном своим говорит.

В ответ Снавуш: «Не кручинься. Увы,
Превратности жизни людской таковы!

Удел мой сегодня — печаль и позор.
Да будет небесный свершен приговор!

Коль прав я — создателем буду спасен,
Коль грешен — меня не помилует он.

Но верю я, благодать Пездана меня
Живым проведет сквозь громаду огня».

И вот уж пред самым костром Снавуш,
И молит создателя праведный муж:

«О, дай мне живым через пламя пройти,
Меня от отцовской вражды защити!»

Стремительно, словно клубящийся дым,
Уносится конь с седоком молодым.

Народ возмущеньем и горем объят,
Равнина и город от воплей дрожат.

До слуха царицы те вопли дошли;
На кровлю идет, видит пламя вдали.

И в бешенстве, мстительной злобы полна,
Погибели князю желает она.

А люди глядят на владыку страны
Сурово: слова осужденья слышны.

Несется, меж тем, вороной сквозь огонь:
Сдружился, сказал бы ты, с пламенем конь!

Багровое пламя встает, как стена,
Не видно ни всадника, ни скакуна.

Все замерли, тяжелой тревогой томясь:
Сквозь адское пламя прорвется ли князь?

И вдруг незримым явился ездок,
Уста улыбаются, лик — что цветок.

И радостно грянуло: «Сладил с бедой,
Прошел сквозь огонь властелин молодой!»

Казалось, его лишь душистый жасмин
Касался — так светел и свеж властелин.

В воде был бы княжеский плащ увлажнен,
В огне — не покрылся и копытью он.

Сравнится, когда пожелает Пездан,
С дыханьем весны огневой ураган.

Веселья огонь в каждом взоре сверкнул,
В столице, в степи ликования гул.

Равнина дирхедами устлана сплошь
И топотом конским повергнута в дрожь.

За зло причиненное мне же, твой меч
Готов мою голову ныне отсечь.

Казни, государь! Свой приемлю удел.
Не должно, чтоб гнев властелином владел.

Пусть яростью сердце твое не горит,
Все истина, что Снавуш говорит:

С ним пламень губительный не враждовал.
Но знаешь причину? То Заль колдовал!»

«Ты снова хитришь! — был Кавуса ответ,—
Еще твоей лжи не согнулся хребет!»

Иранцев спросил повелитель страны:
«Злодейские козни коварной жены

Как должно карать? Что велит нам обряд?»
Иранцы, восславив царя, говорят:

«Виновная с жизнью расстаться должна;
Зло сделав, пусть муки познает она!»

«Повесить,— владыки звучит приговор,—
И выставить тело ее на позор!»

Царицу повел, повинуюсь, палач.
В гареме послышался горестный плач.

И тайным страданьем грудь стеснена
У шаха; покрыла лицо желтизна.

Оставив униженную Судабе,
Все вышли, направился каждый к себе.

Подумал царевич: «Когда казнена
По воле властителя будет жена,

Он после раскаяньем будет убит
И в этой потере меня обвинит».

И стал он просить возглавлявшего край:
«Помилуй супругу, себя не терзай!

Прозреет, твоим наставленьям вняв,
Царица,— поверь, повелитель держав!»

Простить преступление царю самому
Хотелось, и рад он предлогу тому.

Ответил: «Твоей уступая мольбе,
О праведный, жизнь я дарю Судабе».

Склонился царевич, целуя престол.
Веленье отца выполняя, пошел

Вослед за прощенной царской женой,
Отвел ее снова в покой расписной.

И радостно девы гарема уже
Бегут поклониться своей госпоже.

Дни мчатся за днями... Коварная вновь
У шаха в душе пробудила любовь.

С нее венценосец не сводит очей,
В нем страсть разгорается все горячей.

И вновь Кей-Кавуса с прямого пути
Царица свела, стала сети плести.

В нем к сыну вражду разжигает сильней,
Покорствуя злобной природе своей.

И вновь подозренье Кавуса томит,
Но черную думу от всех он таит...

Когда ты постигнут подобной бедой,
Спасенье — в честности, в правде одной.

Будь мудр, осмотрителен, будь справедлив,
Добьешься победы, беду отразив.

Коль судьбы наполнили ядом сосуд,
В нем светлого меда уста не найдут.

Роптать бесполезно; когда ты не слеп,
Склонись покорно пред волей судеб.

Таков небосвода изменчивый бег,
Тебе не постичь его тайны вовек.

Учил справедливо наставник благой,
Что кровная связь крепче всякой другой.

Лишь сына обрел — порождение любви —
(От женщины душу свою оторви!

Речь с сердцем в разладе у женщины; ты
Добра, но одно лишь коварство найдешь!

ПОДВИГИ ИСФАНДИАРА

ИСФАНДИАР УБИВАЕТ ДРАКОНА

Вновь привели на пир Исфандиара
В цепях железных злобного Гургсара.*

Три чаши царь налить ему велел.
Когда же Ахриман повеселел,

Спросил Гургсара пахлаван вселенной:
«Что завтра ждет меня? Скажи, презренный!»

Ответил тот: «О милосердный шах,
Пусть ненавистник твой падет во прах!

Не утрашась волков и львиной пасти,
Ты одолел великие напасти.

Но завтра ты предайся бежеей власти,
Надейся на свою звезду и счастье.

Тебя беда такая завтра ждет,
Что все былые беды превзойдет.

Дракон дорогу дальше охраняет,
Он вдохом рыб из моря извлекает.

Огонь из пасти извергает он.
Скале подобен телом тот дракон.

И если ты отступишь, благодетель,
Позора в том не будет — бог свидетель.

Ведь если путь окружный изберешь,
Сам будешь цел и воинов спасешь!»

А шах: «Кругом ли, прямо ли пойду я,
Тебя в окозах всюду поведу я!

Увидишь сам — сзирепый твой дракон
Моей десницей будет истреблен!»

Умелых плотников найти велел он,
К себе в шатер их привести велел он.

Повозку приказал соорудить,
На ней мечи и конья утвердить.

Сундук железный с крышкой добротной
К повозке той приколотили плотно.

Вот двух коней ретивых привели
И в тот возок диковинный впрягли.

Сел Рунитан* в сундук, для испытанья,
Погнал коней, как по стезе ристанья.

И, радостный, он повернул назад.
Проверивши премудрый свой снаряд.

Меж тем померкло небо, ночь настала,
Вселенная чернее зноджа* стала.

В созвездии Овна возшла луна,
Вступил завоеватель в стремена,

Повел полки... И утро с небосклона
Блеснуло, и поникли тьмы знамена.

Броню и шлем Исфандиар надел
Блюсти войска Пшутану повелел.

Опять играющих могучегривых
В повозку запрягли коней ретивых.

Сел царь в сундук, тугие взял бразды,
Погнал упряжку, не страшась беды.

Колес тяжелых гром дракон услышал,
И ржанье, и ляг, и звон услышал.

Он поднялся, как черная скала.
И от него на солнце тень легла.

Кровавый взор горел безумьем гнева,
Дым вылетал из огненного зева.

И это страх, и это ужас был,
Когда он, как нещеру, пасть раскрыл.

Не дрогнул дух могучий Рунитана,
Во всем он положился на Пездана.

Визжали кони, бились что есть сил.
Дракон коней могучих проглотил.

Он проглотил коней с повозкой вместе
И с сундуком, скрывавшим мужа чести.

И тут мечи дракону в пасть впились,
И волны черной крови полились.

Мечей из пасти изрыгнуть не мог он,
Теряя кровь, жестоко изнемог он.

И брюхом пал на землю он без сил.
Тут воин крышку сундука открыл.

Свод черепа дракону сокрушил он.
Мечем на волю выход прорубил он.

Мозг раскрошил ему Исфандиар.
Вставал от крови ядовитый пар.

Взор омрачая и тесня дыханье.
И пал могучий воин без сознания.

Когда Исфандиар упал во прах,
Пшутана охватил смертельный страх.

Со стоном, обливаясь слезами,
Он поспешил к нему с богатырями.

Все к месту боя полетели вскачь,
В смятенье подымая вопль и плач.

На темя шаха розовую воду
Струил Пшутан, взывая к небосводу.

Исфандиар вздохнул, глаза открыв,
Сказал: «Не плачьте! Я здоров и жив».

Но, задохнувшись, рухнул, как убитый,
От испарений крови ядовитой!

Как пьяный, будто предан забвению,
Он встал, шатаясь, и сошел к ручью.

В потоке с головы до ног омылся
И в чистые одежды облачился.

Колени пред Пезданом преклонил,
Создателя в слезах благодарил.

Он молвил: «Разве я убил дракона?
Ты мне помог, мой щит и оборона!»

И воинство в восторженном пылу
Творцу вселенной вознесло хвалу.

Но горем омрачился дух Гургсара,
Узнав, что спас творец Исфандиара.

ИСФАНДИАР УБИВАЕТ СИМУРГА

И преклонился пред лицом творца
Носитель славный фарра* и венца.

В той чаще он шатер велел разбить
И скатерть золотую расстелить.

И старшему из стражников суровых
Сказал: «Веди заложника в оковах!»

Угрюмого, с поникшей головой
Гургсара царь увидел пред собой.

Вина велел открыть источник красный.
Три чаши выпил вновь Гургсар злосчастный.

Сказал Исфандиар: «Ну, кознодей,
Взгляни, что стало с ведьмою твоей!

Ты видишь — голова ее чернеет
На дереве? А ведь она умеет.—

Ты говорил мне,— светлый день затмить
Пустыню может в море превратить...

Скажи: какое завтра чудо встречу,
С каким врагом готовиться на сечу?»

И встал Гургсар, отдав царю поклон,
И отвечал: «Эй, ярый в битве слон!

Бой предстоит тебе — бывших труднее.
Врага ты встретишь всех иных грознее.

Увидишь гору в тучах и во мгле
И чудо-птицу на крутой скале.

Симург та птица, а земной молвою
Наречена «Летающей горою».

Слона увидит — закогтит слона,
Акул берет из волн морских она;

Возьмет добычу — унесет за тучи,
Что ведьма перед птицею могучей?!

По воле всемогущего творца,
Есть у Симурга сильных два птенца.

Когда они распахивают крылья,
Тускнеет солнце, мир лежит в бессилье.

Опомнись, царь! Помысли о добре!
И не стремись к Симургу и горе!»

А царь: «Своей стрелой копьеноподобной
Крыло к крылу прищиплю у птицы злобной!

И завтра утром сам увидишь ты,
Как я Симурга сброшу с высоты».

Когда блистающее солнце скрылось
И ночь над миром темная стуслилась,

Исфандиар, раздумием объят,
Велел готовить боевой снаряд,

Повел войска в неизвестные просторы,
А на рассвете показались горы

С вершиною заоблачной вдали.
И солнце обновило лик земли.

И царь Пшутану с войском быть велел,
А сам опять в сундук железный сел.

В повозке, оцетиненной мечами,
Лихими увлекаемый конями,

Видимая тучу пыли, мчался он
Туда, где подымался горный склон.

Повозка стала под скалою дикой,
Единоборства воин ждал великий.

Когда Симург повозку увидал,
Карнаи, клики войска услышал.

Он к небу взмыл, как туча грозовая,
Громадой крыльев солнце закрывая.

Как барс на олененка, скажешь ты,
Напал он на повозку с высоты.

И грудь Симурга те мечи пронзили,
И крови бурные ключи забили.

Изранил крылья исполни и стих,
Лишились мощи когти лап кривых.

Над склоном, от крови его багровым,
Птенцы взлетели с клекотом громовым.

Кружили с криком горестным, темня
Огромными крылами солнце дня.

Симург о те мечи себя изжалил,
Коней, сундук, повозку кровью залил.

Встал Руинтан, сидевший в сундуке,
Сверкающий булат в его руке.

С мечом на птицу дивную напал он,
И изрубил ее, и искромсал он.

И, отойдя, простерся на земле
Пред богом, кто помог в добре и зле.

Он говорил: «О вечный, правосудный,
Ты дал мне мощь и доблесть в битве трудной».

Развеея злые чары на ветру,
Стезю правды вел меня к добру!»

И вот карнаи медные взревели,
Войска с Пшутаном к месту подослали.

Широкий склон горы Симург покрыл
Громадой мертвой распростертых крыл.

Под перьями земли не видно было,
А кровь, струясь, долину обогрела...

И — весь в крови — предстал войскам своим
Могучий воин, цел и невредим.

И восхвалили подвиг Руинтана
Вожди, князья и всадники Прана.

Когда Гургсар услышал весть о том,
Что мертв Симург, изрубленный мечом.

Лицо от ненависти побелело,
В груди его отчаяние кипело.

На отдых стать велел счастливый шах,
Всем войском сели пировать в шатрах.

Шелками, солнца утреннего краше,
Украсились, подать велели чаши.

САТИРА НА СУЛТАНА МАХМУДА

О падишах Махмуд, всевластный и убогий!
Коль совести лишен, так устранись хоть бо
Ведь ты не первый царь.

Великие цари
Владели до тебя державой истари.
Войсками сильнее, казною богаче,
Необойденные и боевой удачей.
Короною своею не чванились они.
Не для одних широв светили им огни.
Но царь, который власть преобразил в разб
Отмечен среди всех презреннейшей судьбой.
Властитель мелочный, напыщенный и важн
Дивись ты тому, что говорю отважно?
Секирой палача свободу одолев,
Ты пса во мне искал. Но пред тобою — дэв!
Ужель ты не слышал о грозах моей речи?
Дрожи! Свободный дух с тобою ищет вст
Я знаю: шептунья злорадно доклев
Что для меня пророк — отверженный Али.
И ты тогда сказал, что песнь моя пролет
И под ноги слову швырнуть велел поэта.
Ну, что же — сознаюсь: я признаю Али
Чистейшим из людей аллаховой земли.

Хотя б меня сожгли или посадили на кол —
Не только Мухаммад, но и Али мой факел!
Но есть еще цари! Не в кладах золотых
Хранят они сердца. Греми, мой гневный стих!
И пусть узнает мир, что в царствование труса
В Иране жил поэт — Фирдоуси из Туса.
О праведных царях творил Фирдоуси
Поэму из поэм на языке фарси.
Рифмованных стихов создал сто двадцать тысяч,
В них обитки веков навек сумел я высечь.
Я описал броню, доспехи, еланчи,
Кинжалы и щиты, и луки, и мечи,
И коня, и пращи, и стрелы, и арканы
Долины, города, равнины, океаны.
Я описал коней, я описал остров,
Драконов описал, и царственных слонов,
Чудовищ описал, что обитают в безднах
Всех демонов земли, всех ангелов небесных!
Врагов я описал, друзей я описал.
Я описал царей.

Князей я описал.
Нх слава унеслась. Могила их тиха.
Но я их воскресил бессмертием стиха.
Властитель! Твой удел — безмолвная гробница.
Но я тебе помог в грядущее пробиться.
Векам я передал твой властный лик возд
Разрушателя дворцы от ветра и дождя.
А я из строф моих водвиг такое зданье,
Что входит, как земля, в господние мирозданье.
И вот, благодаря большой моей судьбе,
Грядущие века узнают о тебе.
Столетия пройдут над царственною книгой.
И всякий, прочитав, сочтет ее великой.
Я создал нелый мир вот этою рукой.
Кто сеял семена поэзии такой?

Иной умел строку огранивать красиво.
Остротами другой блистал красноречиво,
И хоть на этот блеск пошло немало сил —
Того, что сделал я, никто не совершил.
Я целых тридцать лет работал неустанно
И в песне воссоздал величие Ирана —
Вот скромный подвиг мой. Но если царь Махмуд
Сумел бы оценить тридцатилетний труд,
То, не найдя в стране подобия наградам,
На трон бы посадил меня с собою рядом.
Я целых тридцать лет под солнцем и во тьме
Трудился, точно раб, над книгой «Шахнаме».
(Благословенно будь отныне это имя!)
И вот передо мной лежит она — «Царь-книга».
Я думал, что теперь,

царем оценена.

По доблести своей прославится она...
Позор моим летам! От царского обеда
В признание того, что «Шахнаме» — победа.
Достойная греметь среди боевых побед,
От царского стола мне вынесли... шербет*.
Так вот она, цена: один стакан шербета!
Как это пережить? Как пересилить это?
Так стоит ли, скажи, хоть медного гроша
Тот жалкий властелин, та мелкая душа?
Нет! Как наемника венцом ни озари —
Холопом будет он, хоть выскочил в царя.
Торгозца амброю задев полой халата,
Приносим мы домой дыхание аромата,
Но если с угольщиком время проведешь —
Одну лишь черноту на платье принесешь.
Итак, не возлагай на низменных надежды.
Чтоб дух не очернить, как очернил одежды.
Будь этот царь Махмуд воистину велик.
Не отвратил бы он от гения свой лик.

Услышав от меня старинное сказанье,
Где пиршествует глаз, и слух, и осязанье,
До облака бы он вознес мои труды!
Не пил бы горечь я из сахарной воды,
И в восемьдесят лет на почве изобильной
Не чах Фирдоуси, голодный и бессильный.
Великие стихи слагал я для того,
Чтоб родины своей прославить торжество,
Чтоб царь и весь народ шли по путям высоким,
Чтобы владыка вдаль глядел орлиным оком,
Чтоб высшая была ему доступна страсть,
Чтоб вечно помнил он, что благу служит власть!
Но если позабыл... И слушать не желает...
Тогда пускай в огне душа его пылает:
Обидчика поэт сатирой пригвоздит —
И будет жить она, кокуда мир стоит.

СЛОВА АЛМАЗЫ

Тот мощи достигнет, кто знания достиг;
От знания душой молодеет старик.
Лишь перзых познаний блеснет тебе свет.
Узнаешь: предела для знания нет.

Пусть правда и мир воцарятся навек!
Не следуи позадам зверей, человек!

Прислушайся к этим словам и пойми:
Высокая честь — называться людьми.

Знай, пену предмет обретает любовью.
Лишь радуя взор человека собой.

Не си ли земли украшение и цвет!
Создания его совершеннее нет.

В цепи человек стал последним звеном,
И лучшее все воплощается в нем.
Высоко вознесся он гордой главой.
Умом одаренный и речью благой.
Вместилище духа и разума он,
И мир бессловесных ему подчинен.

Кто с разумом светлым в ладу не живет,
Того человеком мудрец не зовет.

Ведь разум наш — око души! Не найти
С душою незрячею к правде пути.

Коль мраком охвачен рассудок, вовек
Отрады душе не найдет человек.

Друг, злато по свету кочует всегда,
То ль счастье в нем скрыто, то ль злая беда.

Кто служит презренной корысти одной,
Свершает безрадостно путь свой земной.

Кем правят лишь алчность и ненависть, тот
Сочувствия в чистых сердцах не найдет.

Кто даром благим милосердия владел,
Тому стал наградой бессмертья удел.

Того, кем любви позабыта стезя,
Повсерь, называть человеком нельзя.

Живому в несчастье на помощь приди,—
Пока он с душой разлучится, не жди!

Внемли, коли совести можешь ты внять.
У ближнего жизнь ты не вправе отнять.

Не тронь и букашки под ношей зерна:
Ведь жизнью своей дорожит и она.

Коль жаждой величья и власти горишь,
Знай, руки не раз ты в крови обаришь:

Убьешь или будешь убит. Если б мог
Ты быть вдалеке от тщеславных тревог!

Зря рвешься господствовать. Горе тому,
Кто сеет вражду, мир ввергает во тьму!

Мной дружбы обычай вражде предпочтен,
Закон человечности — вот мой закон.

Когда обопрешься на брата плечом,
То гору огромную срыть нипочем.

* * *

Блажен, кто посеял добро на земле!

Кем добрая слава заслужена, тот
Для каждого доброе слово найдет.

Разумный и праведный свято хранит
Завет милосердия — зла не чинит.

Не скроешь от света ни зла, ни добра.

Кто дела недобрый конец разглядел,
Прозрев, от недобрых откажется дел.

Когда и грешит, кто ума не лишен,—
То так, чтобы грех его мог быть прощен.

Не вправе прощать злодеяния мы.

Увы, злодеяние — древо беды,
На нем ядовитые зреют плоды.

Проклятье людей — вот посмертный удел
Виновика черных, несправедных дел.

Коль ближнему делает зло человек,
Ссебе самому сокращает он век.

Тягчайшие беды тому суждены,
Кто кровь человека прольет без вины.

Злодею от бед не спастись. Будет он
Десницей карающей рока сражен.

В злонаравье винозные кару несут,—
Таков беспристрастного разума суд.

На земли чужие кто зарится, тот
Возмездие сам на себя навлечет.

О мудрый, умершим того не считай,
Кто нал, защищая любимый свой край.

Никто раньше времени не погибал,
Тот мертв, кто бесславно всю жизнь прозябал.

Кто встретил покорностью поднятый меч —
Себя на погибель решился обречь.

Не лучше ли голову в битве сложить,
Чем недругу сдаться и рабски служить.

Победу судьба лишь тому ниспослет,
Кто в битву за правое дело пойдет.

Где правды зажгется живительный свет —
Ложь меркнет, се исчезает и след.

Хоть правда порою бывает и зла —
Мешает вершить нам дурные дела.

Добро или зло, друг или враг на пути —
В делах и речах должно правду блюсти.

Ведь кто восстает против истины, тот
Огня не осилит, лишь дыма глотит.
Кто стал за неправое дело борцом —
Познает позор, пожелтеет лицом.
Кто ложной дорогой стремится вперед,
На жалкую гибель себя обрекает.

Рок тяжкие беды готовит тому,
Кто светоча правды не видит сквозь тьму.

Велик милосердия и правды завет,
А кривда и злоба — источники бед.

* * *

Живущих — четами судьба создала,
Любовный огонь в каждом сердце зажег.

Мудрец, возмечтавший о светлой судьбе,
Достойную спутницу ищет себе.

На радость потомство судьбой нам дано,
И собственной жизни дороже оно.
Для сердца роднее прибежища нет,
И связей теснее не ведает свет.

Все движется в мире, таков уж закон:
Кто стар, кто сегодня на свет лишь рожден.

Для всех этот час наступает равно:
С годами нам силы терять суждено.
Нас, в мир принесенных мгновеньем одним,
Уносит во тьму дуновеньем одним.

Коль с ветки зеленой невызревший плод
Нежданно примчавшийся вихрь унесет,
То правым и мудрым сочтешь его ты,
Иль чуждым и мудрости и правоты?
Когда справедлив умираешь закон,
О чем этот вопль, и рыдания, и стон?
К сей тайне извечной заказан нам путь,
За эту завесу нельзя заглянуть.
Кого не манила заветная цель?
Но дверь ни пред кем не открылась досель.

Любого, не глядя, он молод или стар,
Сжигает безжалостно смерти пожар.

И юноши радость — увы! — не прочна:
Ведь смерти причина — не старость одна.

Неверен, невечен земной наш приют,
Тот счастливец, чье имя добром помянут.

Конец и великих настигнет, и тот,
Кто мудр и усерден, из мира уйдет,
Уйдет, но потомкам оставит свой труд,
Действия добрые, верь, не умрут.

* * *

Юнец, приучись не страшиться труда,
Труд с разумом, с честью в согласье всегда.

Кто праздности предаи, заботы пожнет,
Кто трудится, счастья щедроты пожнет.

Изведай на свете и радость и боль,
Отведай и горечь, и сладость, и соль.

О том поразмысли, что ждет впереди.
Цель выбрав благую, к ней прямо иди.

Не должно, чтоб ветра малейший порыв
Тебя, как тростнику, сгибал, покорил.

Кто стойкую доблесть являет в борьбе,
Того не сломит самозастной судьбе.

Ты цели достигнешь, коль будешь ты смел.
Запомни: победа — отважных удел.

Стезей справедливости ищи, иди вперед.
И жребий победу тебе непомнет.

Не медли в дороге! Идущий доидет.
Взыскующий блага -- его обретет.

И даже из бедствий, что идут тебе роком,
Умей почерпнуть благодатный урок.

Чти правду, дороже сокровища нет.

Твоя правота — вот опора тебе,
Иной не ищи ты защиты в борьбе.

Ведь каждый, кто праведный путь избрет,
Идет средь обид и насмешек вперед.

Путь лжи -- это путь, приводящий в слепоту.

Душою будь истине верен всегда,
Не то над тобой разразится беда.
Ведь правда священной всего на земле,
А кризда презрешней всего на земле.

Пусть радостью будет твой дух озарен!
Да чтит твое сердце лишь правды закон!

Узнай, коли истины светом влеком:
Оплот и спасенье в добре лишь одном.

К добру устремляйтесь — вот счастья стезя
Занять добродетель чужую нельзя.

Будь мудрости верен — в сердцах у людей
Лишь чувства благие и светлые сей.

Творя в ослеплении злые дела,
Становятся юноши жертвою зла.

Чуждайтесь, о юноши, зла! Ведь злодей
Не встретит вовек состраданья людей.

Будь добрым, мучителем ближних не будь.

Беззлобному злобных обид не чини.

Преступного ты опасайся пути,
Жизнь должно в служенье добру провести!

К одной справедливости только стремись,
Насилье отвергни и зла сторонись!

К познанию и правде стремись, и порок
Не ступит вовеки к тебе на порог.

Возжаждешь господства — дни станут горьки,
Да будем от алчности мы далеки!

Жизнь так проживешь, как удастся прожить,
Не век веселиться, не вечно тужить.

Минует и счастье, и горе пройдет —
К чему же разумному бремя забот?

С любовью вражда и с отравой мед —
В соседстве с тех пор, как вращается свод.

То радуясь каждый живет,
Мудрец, пусть не точит забота тебя!

Коль можешь быть радостен — радостен будь.
Все чуждое радости светлой забудь!

Здоровое тело и радостный дух —
Довольно и этих сокровищ нам двух.

И в счастье, и в горе спеши испытать
Того, кого другом хотел бы считать.

От друга добра ты не жди, коли он
И знания, и мудрости вовсе лишен.

Женись, коли честную выбрал жену.
С порочной — изведасшь муку одну.

Сын должен все свойства отца сохранять,
И силу, и доблесть его перенять.
Того, кто с отцовского сбился пути,
Ты плотью от плоти отца не сочти.

Младенец, с которого очи любя
Не сводишь, дороже очей для тебя.

Будь чадо твое сын иль дочь — все равно.
Отцовскому дорого сердцу оно.

Хотя бы величием затмил ты весь свет,
Дороже потомства сокровища нет.

О нежность отцовская, жалости гнет!

Немалое бремя — о малых печаль!

Не диво, что знаем богаты сыны,
Которые мудрым отцом возвращены.

Пусть злобен отец, если сын не в отца,
Уместно ль отцовския ждать от юнца?

Напомним еще про отцов и детей:
Лев даже, что зверя любого лютей,
Вступился б за львенка, обидят когда,
Постигнет обидчика злая беда.

Кто слышал, чтоб сына отец променял
На золото — голосу алчности внял?

Сын в жизни пусть был неразлучен с грехом
Все ж будет оплакан отцом-стариком.

Коль сердце о брате погибшем болит,
Где лекарь, что жгучую боль утолит?

Кто ж друга в убийце отца обретет,
Хоть лей, словно туча, он лизень щедрот?

Кто брата на золото смог променять —
Родного отца опозорит и мать.

* * *

Ты истину в мудрых реченьях найди,
О ней повествуя, весь мир обойди.

Науку все глубже постигнуть стремись,
Познания вечною жаждой томись.

Коль правдой и мудростью дух твой богат,
Обрел ты сокровищ невиданный клад.

Лишь разум тебя оградит от беды,
Лишь разум тебя защитит от нужды.

Пусть разум водителем будет твоим,
От бед избавителем будет твоим.

Пусть разум тебя ограждает от зла!
Да будет душа твоя вечно светла!

Коль разум вожатым не станет тебе,
Дела твои сердце изранят тебе;
Разумный тебя одержимым сочтет,
Родной, как чужого, тебя отметет.

Так действуй, как разум подскажет тебе,
Ведь разум и змея осилит в борьбе.

Коль разум судьба подарила тебе,
За то лишь берись, что под силу тебе.

Кто жизни бесценной не хочет беречь,
Себя пораженью лишь может обречь.

Кто в битву кидается с яростным львом,
Того не героем — безумцем зовем.

Жизнь — дар несравненный, кто им дорожит,
Тот броситься в лавиную пасть не спешит.

Кто б сам захотел очутиться в огне?
Кто зерил бы жизнь вероломной волне?

В мучительный час испытания крепнись,
Предаться отчаянию не торопись.

Кто горю, чью мудрость признала молва,
Поймает в капкан и свиреного льва.

Слеша, не добьемся удачи ни в чем —
Терпением змею из норы извлечем.

Поверь, от роетчивости губит мужей,
Ты зря обольщаешься силой своей.

За брус раскаленный кто схватится, тот
Возмездие сам на себя навлечет.

Недаром хулит торопливых молва,
Я помню премудрого старца слова:
Лишь ветер шальной выжидать не презык,
Он с места сорваться готов каждый миг.
Хвалою не может быть шалый почтен,
Как ни был бы с виду удал и силен.

Спешить, горячиться не должно: лишь тот,
Кто тверд и спокоен, к победе придет.

К чему торопиться, коль надобно ждать!

Но если опасность вдали разглядишь,
Не ищешь покоя, себя не щадишь.

Где надобно действовать, вреден покой.
Где медлить губительно, мудрый спешит,
Где надобна скорость, там медлить и ждать —
Что в море от бури спасенья искать.

Ленивцу, что миг упускает благой,
Уже не представится случай другой.

Рви розы, пока они в полном цвету,
Назавтра утратят они красоту.

На завтра своих не откладывай дел:
Кто знает, каков наш грядущий удел.

Дела совершай ты в назначенный срок,
Проси мудреца, чтоб советом помог.

Быть может, несчастье отголишь ты прочь,
Ведь каждому горю возможно помочь.

Знай, будешь раскаяньем горьким томим,
Коль вянуть не захочешь призывам благим.
Но в позднем раскаянье будет ли прок,
Когда твою голову скосит злой рок?

* * *

Нам ярости пламя не след раздувать,
Не следует волю безумью давать!

Собою владей:

 не раскается тот,
Кто в гневе рассудок на помощь зовет.

Рассудку — не голосу гнева внимли.

На дерзость горячностью не отвечай.

Коль страсти поддашься,
 ты жертвой падешь,
Коль страсть обуздашь,
 ты к цели придешь.

Что сеял — пожнешь ты. Каков твой привет,
Таков, без сомнения,
 будет ответ.

Кто сдержан, хулы не услышит и сам,
Привержен будь мудрым делам и речам.

Хоть перлы язык расточает, когда
Над ним не господствует разум,— беда!

Подумав сначала над речью своей,
Дождешься приветных ответных речей.

Чьи помыслы чисты,
 светла голова,
У тех не расходятся с делом слова.

Уста от речей недостойных беречь
Стремись и свою ты обдумывай речь.

Недобрых речей не ведай никогда:
Что древо без цвета оны, без плода.

* * *

Страную разумно и праведно правь.

Одна справедливость отраду дарит,
Так пусть правосудье твой разум творит!

Знай, править народом достоин лишь тот,
Кто с чистой душой пред людьми предстает,
Кто истине — друг, лицемерию — враг.
Не почестей ищет, не суетных благ,
Кто верен призванью и красноречив,
Кто сердцем отважен, умом прозорлив.

Подвластному голову — помни о том —
Рубить недостойно в порыве слепом.

Будь милостив к людям,— так в оные дни
Мудрец говорил,— без вины не казни!

Будь мудр, осмотрителен, сдержан в речах —
Не должно внушать своим подданным страх.

Неспешность в решениях мудрым дана,
А мудрость великим куда как нужна!

Губительно горек горячности плод;
Кто сеет горячность — тот горе пожнет,
Не может назваться достойным вождем
Не знающий удержу в гневе своем.
Коль вождь именитый несдержан и груб —
Он словно клинок, что от ржавчины туп.

Позору и гибели обречены
Вожди, чьи сокрытые мысли черны.

Будь зорок, о недруге не забывай!

Нам ведомо: бранная чаша горька,
Мир сладок. Но так же, как туша быка
Сокрыта до времени в шкуре его. —
Намеренья скрыты врага твоего.

Коль ищут согласия и мира с тобой.
Не должно кидаться в неистовый бой.

Пусть мирный сперва испытать мы должны,
Быть может, удастся избежать войны.
Но если уж недруг нагрянул — в бою
Пусть видят лишь, а не спину твою.

Коль ищешь побед, будь к ударам готов,
Припомни, что роза цветет среди шипов.
Но разве не лучше все муки стерпеть,
Чем недругу родины дать завладеть?

Коль войско возглавлено мудрым вождем,
Ему и дракона сразить нипочем!

Отвага в бою — украшение бойца.
Позорного трус не избегнет конца.

Мудрец благородный учил в старину:
Коль враг на твою нападает страну,
Безжалостно в битве его сокруши,
А в бегство пустился — вдогон не снеси.

Припомни речения древних вождей:
Храбрец, ускользнувший от волчьих когтей.

Приют отыскав, пусть не дремлет и там —
Ведь гонится гибель за ним по пятам.

Речений пустых избегает боец.
Болтливого ждет незавидный конец.

Пришельца речам, как ни сладки они,
Страшись доверяться в военные дни.
Засады врага опасайся, умей
Разгадывать суть лицемерных речей.

Едва приведешь к завершению бой,
Знай, вступит дремота в сраженьё с тобой.
Ей только поддайся,

ресницы смежи —
Нагрянут из вражьего стана мужи.
И ночью и днем оставайся в броне,
Днем стан береги, а ночами — вдвойне.

Как недруг ни слаб, бойся им пренебречь.

Не действует мудрый посещно, сплеча,
С врагом не кидается в бой стгоряча —
Ведь тот,

кто безумно идет напролом,
Бывает жестоко наказан потом.

Задумавший мчаться над ямой верхом,
Ту яму прикрывши едва тростинком,
Не столь безрассуден, как тот,

кто готов
Мощь вражью замалчивать в пору боев.

Умей выжидать — ведь нередко в войне
Терненье — посещности лучше вдвойне.

Порою от недруга жизнь уберечь —
Нужней, чем себя на гибель обречь.

В решениях своих осмотрителен будь,
Пекись о вонтелях.

бдителен будь,
Чтоб мирных людей оградить от обид.
Чтоб каждый боец был пред битвою сыг,
Чтоб злые не смели, нарушиз запрет.
Народу чинить притеснения и вред.

Врага убивают в бою, на коне,
Когда он в кольчуге и крепкой броне.
А пленных казнить недостойно — есть рок
Обречь и тебя поражению мог.

Пускаясь в поход, не забудь одного:
Не должно в пути притеснять никого.
Ремесленник каждый и пахарь любой,
Что мирно живут, не воюют с тобой.
Пусть горя не знают. Грешно им грозить!
Лишь тех, кто сражается, должно разить.

Стравнись нанести беззащитным иззян.

Обид не чините,
ворзавшись к тому,
Кто дочь и жену укрывает в дому.

Пусть ваши сердца распростятся с враждой,
Врагов покорите своей добротой.

В походе насилья и зла не свершай,
Сел мирных безжалостно не разрушай
Не жги городов; если их пощадишь,
Ты в друга врага своего обратишь.

К тому ж недостойно великих вождей
Крушить бесщадно творенья людей.
Должны мы хранить и в разгаре побед
Добра, справедливости, чести завет.

* * *

Что плоть без души — без ума голова.

Отца нам дороже наставник благой.

Взять больше от жизни — живущего цель.

Услышать — не то, что воочью узреть.

Тань, в поле еще не поймав, не дари.

Знай, реку потечь не заставишь ты вспять.

Где солнце струнт ослепительный свет,
Там звездам сияньем гордиться не след.

Где тополь возносится гордой главой,
Фазан не прельстится чуть видной травой.

Знай, каждому знание в меру дано;
Всего ж одному не познать все равно.

Пусть юноша храбр, одарен, родовит —
Он опыта удалю не возместит.

Вина не давайте, на что мне дурман!
И так я шатаюсь, от старости пьян.

Состарившись, не обновисья вовек!

Старик, хоть он строен, как тополь, глупцом
Слывет, коли хочет казаться юнком.

Лежит перед юношей к старости путь,
Седым волосам черноты не вернуть.
Становится дом все теснее тому.
Кто стар, кто зажил в сем бранным дому.

Поверь, изречение это не ложь:
Что сам ты посеял, то сам и пожнешь.

Ты сеял — пришел созревания срок,
Сбери же плоды, что принес твой росток:
Коль это шипы — насаждал ты их сам,
Не ангелом был Феридун, сотворен
Из плоти живой, не из амбры был он.
Но щедростью, правдой достиг высоты:
Будь щедр и правдив — с ним сравнишься и ты.

* * *

О только б глазам не увидеть моим,
Что изгнан родной мой обычай чужим!

Я чист. Если чести забуду я зов —
Себя запятнаю в глазах мудрецов.

Знай, если на подвиг зовет меня честь,
Я бегству могилу готов предпочесть.

Умру, коль победа судьбой не дана:
Ведь жизнь побежденного смерти равна.
Коль буду отвагой чужой посрамлен,
Мне жизнь опостылит как тягостный сон.

Все станем на страже отчизны своей
И кроза родного, и жен, и детей.
Не лучше ль на поле сражения пасть,
Чем край свой отдать супостату во власть!

Не должно шадить нам и жизни своей,
Хотя б очутились под градом мечей.

Мужей не печалит твердыни разгром,
Храбрец огражден закаленным мечом!
За землю свою, за возлюбленных чад,
За кров, достоянье, за светлый свой град
Сразимся, кольчугу с кольчугой скрепим,
Страну зложелателю не отдадим!

О витязь, искусством войны овладев,
Забудь о пленительной прелести дев.
Бойца привлекает лишь славы краса;
Орлу подобает любить небеса!

В бой праведный ринься с отвагой в груди,
Назад с торжеством и со славой приди!

Лезь львице внушал — повествует молва:
Коль нет у детеныша доблести льва.
Его разлюблю я, отвергну в сердцах,
Да сгинет в воде, да рассыплется в прах!..

Пред битвою должно бойца вдохновить,
А ты порываешься пламя залить!

Путь к славе бесстрашному не преграждай,
Остыть его удали бранной не дай.
Знай, если быть праздным привыкнет юнец,
Угаснет в нем доблести жар под конец.

Согласья от сына не жди ты в ответ,
Когда налагаешь на подвиг запрет.

Меня ты, трудов не жалея и сил,
Не вымолвив жесткого слова, возрастил.
Ты к подвигу рвешься, вонтель седой,—
Могу ли бездействовать я, молодой?

Еще мне под силу, мой сын, воевать.
Не время оружие другим отдавать.

Мне станут захеной покоя и сна
Броня, булава, с Афрасьябом война!

Сражение жестокое нам суждено,
Кто волки, кто овцы — покажет оно.

А если паду, обо мне не жалея,
Ведь мир не погибнет со смертью моей.

* * *

Тебя с одряхлевшей лисицей сравню:
Схитрил ты, но сам угодил в западню.

Все речи твои — что в саду сорняки.

Внимать не впервые приходится нам
Твоим лицемерным, медовым речам.
Поверил бы лишь обделенный умом,
Что сердцем ты к миру и благу влеком.
В сиянии солнечном издали так
Покажется светлым ручьем солончак.

Мне — войск предводителю — стать вам слугой?
Нет, гибель желаннее жизни такой!

Быку не под силу тягаться со львом.

Олень, как услышит о волчьих когтях,
Тотчас затрепещет,
прозвизг его страх.

Лиса не уйди от свирепого льва.

Припомни, змея лишь дотеле страшна,
Доколе не прыгнет акула со дна.

Огонь устрашающий может пылать,
Доколе морская чуть зыблется гладь,
Но с морем не в силах он выдержать спор,
Когда разбухнет водный простор;
И мир лишь дотеле объят темнотой,
Пока не сверкнул солнца меч золотой.

Трусливому лису отважным не стать,
А тигру от множества жертв не устать.

Как видно, ты львиных когтей не видал,
Иначе бы не был так лих и удал!

Так змеи, дожив до предсмертной поры,
Навстречу дубинке ползут из норы.

* * *

Тот бьется в лиственях, нуждою тесным,
Весь век неразлучно страданье с ним,

А этот вкушает лишь сахар да мед:
В богатстве и в холе,
и в неге живет.

Злодею, глядишь,
улыбаются дни,
Весь мир ему служит и счастье сродни,
А праведник чахнет от горя и бед,
Хотя и ведет его истины свет.

В дозволстве один расцветает душой,
Изглодано сердце другого нуждой.

Тот в гору идет — этот катится вниз.
Тот радостен — в этого беды воплишь.

Да, мир — величайший затейник, и нас
Он позой затей дивит, что ни час.

Дней юных фиал не осушен до дна,
В погоне за славою жизнь отдана!

Кто думал, что будет сражен великан,
Кто ждал, что былинки повергнет платан?

Кто б ни был повержен при мне или мной,
Убитый — мой ближний,
он брат мне родной.

О том, кто с младенчества в холе возрос,
Но в бедствия впал,
не помыслишь без слез.

Как ложная радость горька для людей!
Ведь горе торопится следом за ней.

* * *

Напрасно хвалил бы ты месяц тому,
Чье сердце звезда озарила сквозь тьму!

Не взглянешь, цветом неприметным пленясь,
На розу, хоть роза воспета не раз.
Кто укусу целебный для печени пьет,
Тому не на пользу ни сахар, ни мед.

Слова мудреца тут бы к месту прилились:
При женщине славить мужей берегись!
Лишь девичье сердце словами затронь,
И бесы зажгут в нем любовный огонь.

Не видевши, сердце тому отдала,
Чьи доблестью славятся в мире дела,
Героя люблю не за кудри и лик —
За то, что отважен и духом велик.

По сердцу подругу лишь в той обрету,
Которую выше себя я сочту.

* * *

Отбросить бы в сторону острый кленок,
Жестокость и злобу зарыть бы в песок,
Усевшись за чашу, не помнить бы зла,
Угрюмую думу согнать бы с чела,
Войскам долгожданный увидеть бы мир,
Сменить бы сраженья на дружеский шир!

Кровавая да прекратится война!
Давно опостылела сердцу она.

Ведь царства погрязли в раздорах и зле,
Хоть место найдется для всех на земле.

Что к миру врагов призываем — не грех,
Мир — цель благородных и доблестных всех.

Однако же думать не следует вам,
Что слабость — причину добрым словам.
Поверьте, я только о мире пекусь,
Ко благу всеобщему сердцем влекусь.
Ведь жаль бесконечно вонзателей мне, —
Доколе им гибнуть в жестокой войне!
Доколе неистово нам враждовать,
Рекою безликою кровью проливать!
Ужель эту землю в пустырь обратим
Кровавым бессмысленным спором своим?

Странусь: если слова две рати хоть раз
Столкнутся на поле войны, разъярятся,
То все в этой битве погибнут бойцы,
На поле останутся лишь мертвецы.
И кто же тогда победившую рать
Сумсет среди мертвецов распознать?

О войнах забудьте,
пусть правда царит,
Лишь мир благоденствие людям дарит.

С весельем в сердцах долго здравствовать вам!
Отныне вы к мирным вернитесь трудам.
Снизьте доспехи кровавой войны,
Согласьем и дружною будьте сильны!

Меч в ножины вложите! Звонящий фиал
Наполним напитком, что пламенно ал.

И пусть не смертельные стрелы свистят,
А лютии поют со свирелями в лад.

Пресытилось сердце войною и злом,
Отныне мы праведный путь изберем.
Несчетные блага польются рекой,
На землю сойдет долгожданный покой.
Мы людям дадим отдохнуть от тревог,
И смерть застигнуть их не будет врасплох.

В горах и у нас разнóй дичи полно,
В ковшах и у нас молоко и вино;
В дни празднеств у нас ликозанье, пиры,
Нет стужи зимою, а летом — жары,
Цветет, увяданья не зная, страна,
Не зноя, не холода — вечно весна.

Будь счастлив, печали не знай, человек!

* * *

Что краше, чем слова пленительный лад?
Восторженно славят его стар и млад.

Привержен будь истинне, чуждой прикрас!

Поэту гордиться твореньем дано,
Которое разумом озарено.
А если в тисках заблуждения он
Или порочною мыслью прельщен,
Хоть б распинался, трудясь без конца, —
Себя опозорит в глазах мудреца.
Но кто усомнится в творенье своем
И кто различит червоточину в нем?

Поэт, коль стихи лишь плохие создать
Ты в силах — не стоит себя утруждать.
Напрасно и тело и мозг не точи,
Алмазов ты в копиях пустых не ищи.

Без трапезы гостя домой отпустить
Достойней, чем пищей дрянной угостить.

Неси знатоку заверченный свой труд,
Услышь спразедливый, взыскательный суд,
И если услышал хвату знатока —
Достиг благодатного ты родника.

Червошны, атмазы, роскошный дворец
Тебя не спасут, их не ищет мудрец.
Ты жизни земной не удержишь в руках,
Оставь же прекрасную память в вечах!
Лишь слову сберечь твое имя дано.
Чти слово: поверь, всемогуще оно.

Труд славный окончен, в родимой стране
Не смолкнет отныне молва обо мне,
Я жив, не умру, пусть бегут времена,
Недаром рассыпал я слов семена.
И каждый, в ком сердце и мысли светлы,
Почтит мою память словами хвалы.

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр. 5.

...Явился на майдане — то есть вышел сражаться. Майдан — площадь, ристалище, здесь — поле битвы.

К войскам Турана...— Тураном древние иранцы называли земли севернее Сырдарьи, заселенные тюрками. В «Шахнаме» описаны нескончаемые войны между Ираном и Тураном.

К стр. 7.

Бесед предстать перед Хуманом.— Хуман послан был царем Турана Афрасиабом с войском к Сухрабу будто бы для помощи в борьбе против царя Ирана Кей-Кавуса, на деле же с вероломной целью столкнуть в бою Сухраба с его отцом, богатырем Рустамом,— защитником Ирана. Афрасиаб рассчитывал, что Рустам или будет убит Сухрабом, или сломлен горем в случае гибели Сухраба. Именно поэтому дальше Хуман не дает Сухрабу узнать среди предводителей иранского войска его отца, богатыря Рустама.

К стр. 8

Онагр — дикий быстроногий осел.

...Чинский шлем — то есть шлем, сделанный в Синьцзяне. Чин — Синьцзян (Китай).

К стр. 9

Азаргунасп — дух огня в зороастрийской религии (огонь почитался как символ огня и света).

К стр. 9.

Чоуган — клюшка с загнутым концом, при помощи которой гоняют по дугу мяч при игре чоуганбози, напоминающей поло.

К стр. 14

Тахматан — Тахматан (дословно — моншотель) — презрение богатыря Рустама.

К стр. 17

Звезда Кавы. — Имеется в виду кожаный фартук кузнеца Кавы, свергнувшего тирана Заххака. Возведенный Кавой на престол, законный наследник иранских царей Фаридун украсил фартук драгоценными камнями и утвердил его в качестве государственного знамени.

К стр. 20

...воинство хосрова... — Хосров, имя многих древнеиранских царей, стало титулом царей династии Сасанидов, правившей Ираном до арабского нашествия в VII веке. Здесь под Хосровом подразумевается царь Ирана Кей-Кавус.

К стр. 23

Ты слышал ли, как пахлавин Ирана

Твердыню сокрушил Мазандерана? — Пахлаваном, то есть богатырем, здесь назван Рустам. Хуман говорит о походе шаха Кей-Кавуса в Мазандеран (область на севере Ирана), где тот попал в плен со всем своим воинством, а освободил его Рустам, совершив по пути семь сказочных подвигов.

Хоть с Рахшем схож — имя коня Рустама.

К стр. 30

Дастан Сам... — Здесь дана персидско-таджикская форма определительной связи слов: Дастан Сам значит — Дастан сын Сама.

К стр. 41.

Кейван (Кайван) — Сатурн.

К стр. 43

Семенсан — древний город в плодородной долине в верховьях Амударьи.

К стр. 47

Учил златоуст несравненный Бахрам. — Бахрам — вероятно, имя одного из мубедоз — знатоков преданий о старине.

К стр. 50

Нездан (Незд) — бог, творец.

К стр. 52

Судабе — жена Кавуса, дочь хамаверанского царя.

К стр. 55

Руд — щипковый струнный музыкальный инструмент наподобие люти.

К стр. 59

Хушанг, Джамшид, Фаридун — имена прославленных владык Ирана.

К стр. 60

Кей-Ареш, Кей-Пешин — сыновья владыки Ирана Кей-Кубада.

К стр. 63

Прекрасным кумирам Тераза равны. — Традиционное сравнение. Тераз — город в Средней Азии, славящийся своими красавицами.

К стр. 79

Ахриман — в зороастрийской религии — божество тьмы и зла, в противоположность Ахурамазде — божеству добра и света.

К стр. 86

Кеянский венец — Здесь царский венец, наследственная корона Кеянидов.

К стр. 91

Гургсар — дословно «волчеголовый» — туранский богатырь, взятый в плен Исфандиаром во время войны с Тураном. Гургсар по требованию Исфандиара указывает кратчайший путь к неприступной крепости туранцев Дуиндиж, которой правит Ардажаси, но предостерегает, что на пути поджидают неодолимые чудища. Исфандиар все же избирает опасный путь и совершает семь подвигов, два из которых приведены здесь.

К стр. 92

Руинтан — прозвище Исфандиара (дословно «медногелый»).
...*чернее зинджа*... — зиндж — житель Заггибара (Загзибара); в поэзии синоним черноты.

К стр. 95

Носитель славный фарра... — имеется в виду Исфандиар. Фарр — ореол, божественное сияние, осенявшее, по представлениям древних иранцев, истинных царей.

К стр. 100

...*для меня пророк — отверженный Али* — Али — последний из четырех халифов, непосредственных преемников Мухаммада (халиф — духовный и светский глава общины, а затем и всего арабского государства), был убит в результате борьбы за власть, после чего начался раскол в религии; образовались две секты — шиитов и суннитов. Шииты, не признавая трех первых халифов, считают подлинным халифом Али и его прямых потомков. Вот почему в глазах султана Махмуда Газневиды — правозерного суннита — шиит, приверженец Али, является еретиком; тем не менее Фирдоуси, обращаясь к султану, открыто признается, что «не только Мухаммад, но и Али мой факел».

К стр. 102

Шербет — сладкий фруктовый напиток.

СОДЕРЖАНИЕ

Русгам и Сухраб

Нападение Сухраба на Белый замок. <i>Пер. В. Державин</i>	4
Посединок Сухраба с Гурдафарид. <i>Пер. В. Державин</i>	7
Сухраб расспрашивает Хаджира о предводителях иранского войска. <i>Пер. В. Державин</i>	15
Второй бой Рустама с Сухрабом. <i>Пер. В. Державин</i>	22
Смерть Сухраба от руки Рустама. <i>Пер. В. Державин</i>	28
Рустем просит у Кей-Кавуса целебное снадобье. <i>Пер. Ц. Бану</i>	31
Рустем оплакивает Сухраба. <i>Пер. Ц. Бану</i>	33
Рустем возвращается в Забулистан. <i>Пер. Ц. Бану</i>	39
Мать узнает о смерти Сухраба. <i>Пер. Ц. Бану</i>	43

Сказ о Снавуше. *Пер. Ц. Бану*

Рождение Снавуша	49
Судабе влюбляется в Снавуша	52
Снавуш приходит к Судабе	56
Снавуш во второй раз приходит в покои Судабе	62
Снавуш в третий раз приходит в покои Судабе	68
Судабе обманывает Кей-Кавуса	70
Судабе прибегает к помощи колдуны	74
Кавус расследует дело о младенцах	77
Снавуш невредимым проходит через огонь	82
Снавуш просит отца помиловать Судабе	87

Подзиги Исфанднара. *Пер. В. Державин.*

Исфанднар убивает дракона	91
Исфанднар убивает Симурга	95
Сатира на султана Махмуда. <i>Пер. И. Сельвинский</i> . .	100
Слова алмазы. <i>Пер. Ц. Бану</i>	104
Примечания (<i>С. Хозари</i>)	137

ФИРДОУСИ

ОТРЫВКИ ИЗ «ШАХНАМЕ»

Редактор С. Ховари

Художник Т. Королёва

Художественный редактор В. Нелюбов

Технический редактор Р. Анисимова

Корректор Г. Пищугин